

Вадим Муханов

Кавказ в революционную пору...

*К истории Закавказья
в 1917 — первой половине 1918 г.*

Москва
REGNUM
2017

УДК 94(479.2) «1917/18»
ББК 63.3(235.7)
М 92

Муханов В.М.

М 92 Кавказ в революционную пору... К истории Закавказья в 1917-м — первой половине 1918 г. — М. : Издательство ИА REGNUM, 2017. — 80 с.

ISBN 978-5-91150-037-5

УДК 94(479.2) «1917/18»
ББК 63.3(235.7)

ISBN 978-5-91150-037-5

© Вадим Муханов, 2017
© ИА REGNUM, 2017

Оглавление

Судьбоносный 17-й, или от февраля к октябрю.....	5
«Текущий момент и грузинский народ»: октябрь 1917 — февраль 1918 г.....	13
Дележка армии.....	21
На пути к Шамхору.....	27
Шамхорское побоище.....	39
Краевая власть перед лицом катастрофы (февраль — май 1918 г.).....	63
Библиография.....	74

Судьбоносный 17-й, или от февраля к октябрю

Кавказ встретил 1917-й год спокойно. В Тифлисе находился глава огромного региона, облеченный всей полнотой власти и имевший доверие императора — наместник Кавказа, великий князь Николай Николаевич младший. Именно этот представитель Российского императорского дома и стал последним руководителем такой особой административно-территориальной единицы империи, как Кавказское наместничество.

Известие об отречении императора Николая II от престола достаточно быстро поменяло привычную картину власти на Кавказе. Вначале многие региональные политические деятели были шокированы полученным известием, не были исключением и грузинские меньшевики. Их областной комитет, одним из первых получил сообщение об этом из Петрограда. Постарался председатель меньшевистской фракции в IV Государственной думе Николай Чхеидзе, который прислал своим коллег по партии конспиративную телеграмму: *«Мтаврбадзе скончался, сообщите родным и знакомым»*.

Лидеры меньшевистской партии — Ной Жордания и Ной Рамишвили — после получения известия отправились на прием к наместнику, где обсудили сложившуюся ситуацию и дальнейшие шаги. Это лишний раз подтверждает популяр-

ность и авторитетность этой партии среди населения Закавказья той поры, и власть не могла с этим не считаться¹. В свою очередь, налаженные контакты с местной властью и серьезные позиции, занимаемые представителями этой партии в политическом центре страны, позволяли им чувствовать себя уверенно. Поэтому они выступали за поступательное развитие революции, спокойную смену власти, и, конечно же, в отличие от большевиков, их не интересовала кардинальная встряска, при которой они могли потерять все достигнутые результаты.

Великий князь и после получения судьбоносного известия об отречении Николая II надеялся сохранить прежний административный порядок в крае, однако события развивались слишком стремительно. Уже 3 марта состоялось собрание представителей районов и крупных предприятий Тифлиса под председательством известного меньшевика Ноя Жордания, на котором решили *«немедленно же образовать Совет рабочих депутатов для поддержания революции в Петрограде и организации местной власти»*. Первое заседание новоиспеченного Совета состоялось на следующий день, где было принято решение *«признать необходимым смещение старых административных властей, разоружение полиции и жандармерии, поставив на их место организованную на демократи-*

¹ Об определенном доверии к этой политической силе говорил и сам наместник, что было зафиксировано в номере газеты «Танамедрове азри» («Современная мысль»): *«Должен сказать, я очень доволен Кавказом, так как беспорядки нигде не имели места. По-моему, это обстоятельство объясняется тем, что социал-демократия, которая имеет большое влияние на Кавказе, является сторонницей порядка. Я надеюсь, что и в будущем это продолжится так же»*.

Великий князь Николай Николаевич младший

ческих началах власть и революционную милицию». Созданный одновременно при Совете Временный Исполнительный комитет² обратился в правительство с просьбой «незамедлительно командировать на Кавказ одного или нескольких комиссаров из числа видных общественных деятелей».

Эсеры и меньшевики, будучи наиболее популярными среди населения Закавказья, участвовали в работе каждого Совета рабочих или солдатских депутатов, которые достаточно быстро возникли в Баку, Кутаисе, Батуме и других крупных городах региона. Это вынуждены были признавать даже советские историки. В частности, Г. В. Хачапуридзе писал, что они «всюду продвигали своих людей. Во всех вновь создаваемых орга-

нах закавказской краевой власти — в Краевом Совете рабочих и крестьянских депутатов, в Краевом Совете Кавказской армии и в исполнительных комитетах — руководящие посты захватили грузинские меньшевики и эсеры, причем последние пользовались значительным влиянием в армии».

В ответ на просьбу командировать на Кавказ авторитетных людей из Петрограда пришла ободряющая телеграмма с сообщением о создании Временным правительством «в целях установления срочного порядка и устройства Закавказского края» Особого Закавказского Комитета (ОЗАКОМа), члены которого незамедлительно выехали в Тифлис. Как зафиксировано в правительственном постановлении, данный комитет должен был «действовать от имени и с правами Временного правительства ... на основах, всенародно объявленных Временным правительством 6 марта 1917 г., а равно для принятия мер к устройству гражданского управления в областях, занятых по праву войны, на Кавказском фронте».

В состав этого своеобразного филиала Временного правительства вошли члены Государственной думы В. А. Харламов (председатель), М. И. Пападжанов, М. Ю. Джафаров, К. Г. Абашидзе и П. Н. Переверзев. Такой состав вызвал недовольство со стороны Тифлисского Совета (где первую скрипку играли меньшевики), который стал настаивать на включение в ОЗАКОМ своего представителя. Временное правительство, не желавшее сразу идти на конфликт с другими политическими силами, пошло навстречу Тифлису и заменило Переверзева на авторитетного грузинского меньшевика Акакия Чхенкели, что серьезно укрепило позиции Совета рабочих депутатов, и, соответственно, меньшевиков, в Закавказье. Последний, по мнению советского историка Г. В. Хачапуридзе, стал играть в ОЗАКОМе «наиболее активную роль», достаточно быстро прибрав к рукам «все дела внутреннего управления».

² В состав Исполнительного Комитета Тифлисского Совета вошли 5 членов самого Совета, 5 гласных Городской думы и 5 представителей Кавказской армии (3 — от Совета солдатских депутатов, 2 — от офицерского корпуса).

Для координации деятельности нового органа и Временного правительства в составе последнего вводится должность комиссара по делам Кавказа и формируется специальное подразделение, в котором появляется «совет сведущих лиц»³. Как объяснял это решение современник и участник подобных обсуждений Зураб Авалов, «некоторым казалось, что связь Закавказья с Россией, с правительственным ее центром в Петрограде, недостаточно обеспечивалась этим «озакомом» и что, кроме того, желательно было вновь (как до революции) объединить высшее управление Южного и Северного Кавказа (разъединенных системой «озакома»). Для всего этого над двумя Кавказами думали поставить особого верховного комиссара». Первоначально, по его словам, «восстановленное, таким образом, в новых формах, наместничество думали ... вернуть Ф. А. Головину, бывшему председателю 2-й Государственной Думы», но после небольшой паузы на пост комиссара по делам Кавказа был назначен управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков⁴, один из наиболее известных представителей партии кадетов. Его кратковременная деятельность носила формальный характер и прошла практически незамеченной для Кавказа.

Члены ОЗАКОМа прибыли в Тифлис, ставший своеобразным политическим центром Закавказья, 18 марта и сразу же выступили с успокаивающим воззванием к населению, где попытались обрисовать программу своей деятельности. Комитет намеревался обеспечить осуществление свободы совести, привлечь к управлению местные общественные силы, ввести выборный мировой суд и т. д. В воззвании особенно подчеркивалось, что «вопросы, имеющие общегосударственное значение, как-то: национальный, церковный, аграрный и рабочий — могут получить окончательное разрешение лишь в Учредительном собрании».

Интересна оценка ОЗАКОМа Зураба Авалова, принимавшего участие как

Ной Жордания

в обсуждении данной структуры, так и кандидатов на включение в ее состав. Она импонирует своей откровенностью и некоей жесткостью: «Особый Закавказский Комитет» был, в сущности, делегацией, для управления Закавказьем, российского Временного Правительства. От последнего он заимствовал свои полномочия — но и свою слабость. На Кавказе возникли очень скоро революционные организации по русскому образцу: советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и др. Благодаря их «засилью» и по разным другим причинам О. З. Комитет никогда не мог стать на деле тем «Закавказским Правительством по назначению из Петрограда», коим он, в сущности, являлся». Он отмечает и малую заинтересованность самого Временного правительства в данном органе и регионе: «Временное правительство едва ли имело досуг, чтобы подумать более основательно о взаимоотно-

3 Как видно из названия, совет носил чисто консультативные функции. Собирался всего несколько раз в Зимнем дворце.
4 Владимир Дмитриевич Набоков является отцом всемирно известного русского прозаика и поэта Владимира Владимировича Набокова.

шениях Кавказа и России. Отправив в Тифлис «озаком», оно считало, что снабдило Закавказье временным органом, ему нужным».

Первые мероприятия ОЗАКОМа были поддержаны резолюциями двух краевых съездов — Закавказского съезда представителей Совета рабочих депутатов и Закавказского съезда исполнительных комитетов. В них делегаты высказались за проведение политики коалиций и соглашений, которая позволит объединить все политические силы края для достижения главной цели — создания демократической республики. Окончательное решение таких важных вопросов, как рабочий, земельный и национальный, оба съезда оставляли за Учредительным собранием.

На первых крупных съездах, помимо поддержки ОЗАКОМа, проявилось и противостояние, ставшее во многом ключевым как для Грузии, так во многом и для всего Закавказья — национальных партий и сил, в первую очередь, грузинских меньшевиков во главе с Ноем Жордания и большевиков (на первоначальном этапе их лидером и главным рупором выступал популярный в массах Степан Шаумян).

Например, на съезде представителей Закавказских Советов рабочих депутатов⁵ яростная дискуссия возникла уже по первому плановому вопросу — «о моменте и тактике». Жордания заявил, что «российскую революцию совершили три силы: пролетариат, армия и буржуазия. Следовательно, эти силы должны действовать в контакте, взаимно согласовывая свои выступления, что организованный пролетариат не должен запугивать буржуазию, дабы не остаться изолированным». Шаумян же, в свою очередь, как большевистский лидер настаивал на недооценке роли революционного крестьянства и пролетариата, и, соответственно, переоценке «революционной сущности буржуазии». В результате съезд вынужден был выступить с компромиссной итоговой резолюцией о моменте: «*Съезд Советов рабочих депутатов Закавказья*

ближайшей политической целью считает доведение революции до демократической республики. В этой борьбе организованный пролетариат действует совместно с теми революционными и оппозиционными классами, которые стремятся к той же основной политической цели: к демократической республике. Стоя на почве радикального решения рабочего и национального вопроса в пределах буржуазного строя и борясь за конфискацию земель в пользу народа, пролетариат, в интересах сохранения единства движения всех революционных и оппозиционных сил, предлагает для урегулирования текущих экономических и иных конфликтов прибегать к соглашениям заинтересованных сторон, учреждая, где возможно, примирительные камеры. Окончательное же решение указанных выше вопросов предоставляется Учредительному собранию, причем во время предвыборной кампании рабочий класс выступает со своими программными требованиями и развернутым знаменем».

Подспудная борьба между разными политическими силами, принявшими участие в революционных событиях, стала постепенно выходить на поверхность, вовлекая все новые и новые организации и институции (местные органы власти, различные выборные структуры — съезды, советы, исполкомы и т. д.). Разношерстная политическая коалиция, собранная под знаменами революции и лозунгом «Долой самодержавие», быстро стала трещать по швам как в центральной России, так и на окраинах. Эта сразу ставшая заметной тенденция на обособление крупных политических партий друг от друга обнажила высокую вероятность приближающейся схватки за власть. Ведь подобное многовластие, а фактически двоевластие не могло существовать долго...

В столице борьба за власть закончилась октябрьским переворотом, на окраинах она растянулась еще и на 1918 год.

Весной же и летом 1917-го противостояние протекало достаточно мирно, выплескиваясь на различных съездах

⁵ Состоялся в Тифлисе 18–19 марта. Председателем съезда избрали Ноя Жордания, а товарищем председателя — Степана Шаумяна.

Степан Шаумян

и заседаниях, не в полной мере будучи зафиксированным в тексте итоговых резолюций и других сопутствующих документов. Например, в мае 1917 года в Тифлисе прошли два крупных съезда⁶, которые зафиксировали наибольшую поддержку среди населения и солдат Кавказской армии меньшевиков и эсеров. Большевики заметно уступали им по количеству своего представительства на обоих собраниях.

На них были подтверждены основные задачи переживаемой революции: во-первых, *«завершение этой революции должно быть установление демократической республики через Учредительное собрание»*; во-вторых, *«приближение мира на началах братства и равенства свободных народов»*, однако *«пока воюющие против нас государства не откажутся от завоевательных целей»*, то *«мобилизовать все живые силы страны во всех отраслях народной жизни для укрепления фронта и тыла»*, поэтому совершенно

патриотический, верноподданнический итог — *«под словом оборона съезд понимает ведение войны в тесном единении сношений с союзниками»*. Таким образом, съезд высказал полную поддержку внешнеполитическому курсу Временного правительства на продолжение войны (что активно критиковалось большевиками!).

В резолюции по рабочему вопросу главным моментом стала, конечно же, поддержка «основного требования пролетариев всего мира» — установления 8-часового рабочего дня. Плюс к этому, подчеркивалось, что все потенциальные конфликты, споры между промышленниками и рабочими должны разрешаться путем переговоров и соглашений через «примирительные камеры», то есть согласительные комиссии с равным представительством рабочих и работодателей.

Разрешение земельного вопроса откладывалось до созыва Учредительного собрания. Все самозахваты земли порицались и признавались незаконными, как и *«все сделки по покупке, продаже, залогу и по долгосрочной аренде земель»*. Для сохранения порядка на селе и предотвращения разрухи подчеркивалась необходимость повсеместного учреждения земельных комитетов из представителей трудовой демократии, по селениям, уездам и губерниям. До Учредительного собрания отложили и всяческое обсуждение национального вопроса. Более того, любые «попытки разрешения его до Учредительного собрания» были «недопустимы» и признавались «как вредные».

Особенно остро стоял земельный вопрос в связи с участвовавшими случаями самозахвата земли. Поэтому ОЗАКОМ был вынужден уже в апреле выступить со специальным распоряжением *«всем губернским и уездным исполнительным комитетам о принятии срочных мер к прекращению захвата помещичьих земель крестьянами»*, где объявлялось о «недопустимости» подобных действий. Как отмечалось в документе, окончательные

⁶ Кавказский Краевой съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов и I Краевой Съезд Кавказской армии.

принципы землепользования и землеустройства должно установить Учредительное собрание, но понимая остроту вопроса, ОЗАКОМ *«учредил Временную комиссию по поземельным делам Закавказского края и имеет в виду образовать с той же целью подкомиссии в каждой губернии и уезде»*. Кроме того, *«для предупреждения самовольных решений земельных вопросов населению следует указывать на желательность устройства примирительных комиссий из землевладельцев и земледельцев при уездных и сельских комитетах, плюс к этому, «в целях успокоения населения ... командировать уполномоченных лиц для разъяснения недопустимости самоуправства»*. Напротив, самовольные захваты земельных участков и рубка леса стали только учащаться, что заставили комитет за подписью Чхенкели издать специальный циркуляр, в котором повторялось о разрешении земельного вопроса на Учредительном собрании и наказании всех нарушителей порядка в крае. Однако подобные циркуляры не приносили никакой практической пользы: ОЗАКОМ был вынужден рассылать и дальше отчаянные телеграммы местным губернским, уездным или участковым комиссарам с требованием принятия срочных мер по тому или иному случаю. Яркий пример — телеграмма комитета от 19 августа мцхетскому участковому комиссару, где Пападжанов призвал принять *«самые энергичные меры против самовольной рубки леса Сопхи Ратиевой крестьянами Презети и Горовани»*.

Таким образом, к лету 1917 года ясно определился характер краевой власти. Она оказалась достаточно независимой от Петрограда, и в то же время зависимой от местных политических сил, сконцентрированных в депутатских Советах. Отсюда ее слабость и явное стремление к компромиссам и соглашениям, особенно при решении таких острых вопросов как национальный, рабочий и аграрный.

Радикальные изменения произошли и в экономическом центре Закавказья — Баку. Узнав 15 марта о революции, рабочие на следующий день объявили

всеобщую «приветственную» забастовку. На большом митинге, состоявшемся во дворе Городской управы, было решено послать приветственную телеграмму в адрес Временного комитета Государственной думы. В ночь на 18 марта из представителей общественных организаций был создан новый орган власти — Бакинский Временный Исполнительный комитет, в состав которого вошли представители городского самоуправления, Совета рабочих депутатов, кооперативов, профсоюзов, продовольственного Сопещения. Совет рабочих депутатов в Баку возник практически одновременно, его председателем был избран большевик Степан Шаумян. В Восточном Закавказье позиции меньшевиков были весьма слабыми, здесь достаточно быстро стали набирать вес другие национальные силы в лице «Мусавата» и Дашнакцутюна, которые начали успешно конкурировать с большевиками.

Меньшевики же заметно усиливали свои позиции, как в центральных органах новой власти, так и на местах. Первый правительственный кризис заставил изменить состав правительства, в отставку ушли кадет Павел Милюков и октябрист Александр Гучков. Вслед за этим было создано первое коалиционное правительство, в котором 6 из 15 мест заняли социалисты, представлявшие Исполнительный комитет Петроградского совета; туда вошли как раз меньшевики и увеличилось представительство эсеров. В первом коалиционном составе очутились два меньшевика — Михаил Скобелев, ставший министром труда, и Ираклий Церетели, занявший пост министра почт и телеграфов⁷.

Меньшевики смогли сохранять свое представительство в правительстве во всех ее последующих составах, причем наибольшее количество министерских мест им удалось занять в сентябре 1917 года, в третьем коалиционном составе (МВД, Минюст, Минтруда, Министерство почт и телеграфов). Это позволило им сле-

7 Последний в июле временно занимал пост главы МВД.

дять за политической ситуацией в стране и участвовать в принятии многих важных политических решений. Как пишет видный советский и российский историк С. В. Тютюкин о меньшевиках, «революция быстро вынесла их на авансцену политической жизни России: они захватили ведущие позиции в исполкоме Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, который во многом определял тогда политическую ситуацию в стране, а в мае 1917 г. вошли в состав коалиционного Временного правительства, где М. И. Скобелев и И. Г. Церетели получили соответственно портфели министров труда и почт и телеграфов. Добавим, что в дальнейшем членами Временного правительства стали меньшевики К. А. Гвоздев, А. М. Никитин и П. Н. Малайтович. Н. С. Чхеидзе был избран председателем Петрсвета, а на I Всероссийском съезде советов в июле 1917 г. — председателем ВЦИК советов. Популярность меньшевизма быстро росла, и не будет преувеличением сказать, что в 1917 г. меньшевики стали одной из трех главных партий социалистической ориентации, оказывавших значительное влияние на рабочие, солдатские и крестьянские массы и на ситуацию в стране в целом». По наблюдениям Тютюкина, «доминировали в меньшевистских кругах до октября

1917 г. взгляды Церетели: курс на упрочнение буржуазно-демократического строя, признание необходимости защиты революционной России от внешнего врага впредь до заключения всеобщего демократического мирв, полное доверие коалиционному Временному правительству, призыв к соглашению пролетариата и буржуазии на основе взаимных уступок, оттягивание решения аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания».

За период с февраля по октябрь меньшевики упрочили свои позиции и в Закавказье, особенно на территории Тифлисской и Кутаисской губернии. Этому способствовало и принятие Временным правительством во главе с Керенским специальной инструкции ОЗАКОМу с определением границ полномочий и функционала последнего. Интересно, что Временное правительство использовало старый опыт управления Кавказом (реанимировав имперское законодательство и формат наместничества), обозначив, что круг прав и обязанностей Особого комитета по управлению Краем определяется законами о Кавказском наместничестве с ограничениями, обусловленными тем, что власть Особого комитета распространяется лишь на губернии, области и округа Закавказского края».

«Текущий момент и грузинский народ»: октябрь 1917-го — февраль 1918 г.

Октябрьские события в Петрограде были негативно восприняты во многих уголках бывшей Российской империи, и Кавказ (как Северный, так и Южный) не являлся исключением. Политическая элита Закавказья с самого начала обрушилась с критикой на действия большевиков и не признала захваченную ими в ходе столичного переворота власть. Лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания на заседании Тифлиского Совета весьма четко выразил общую позицию: *«Мы требовали и требуем ликвидации Петроградского восстания путем соглашения внутри демократии и создания однородной власти, объединяющей всю демократию для общей борьбы с надвигающейся контрреволюцией»*. ОЗАКОМ в телеграмме от 28 октября 1917 года объявил, что *«в Петрограде произошел кризис власти в связи с выступлением большевиков, рабочих, также гарнизона»*, и призвал тифлиского губернского комиссара принять *«самые решительные меры к сохранению порядка и спокойствия»*, не допускать *«никаких нарушений и никаких самочинных выступлений»*, а также разъяснять *«населению весь вред беспорядков на почве захвата власти накануне выборов в Учредительное собрание»*. Для эффективности принимаемых мер

по борьбе с революционным движением, по специальному циркуляру ОЗАКОМа, за подписью Чхенкели, всем губернским, областным и окружным комиссарам предоставлялось право производства административных, то есть внесудебных арестов (на срок 3 месяцев)⁸.

Большевистская угроза консолидировала основные политические силы Закавказья, которые первоначально объединились в Комитете общественной безопасности⁹. 11 ноября в Тифлисе на базе этого временного комитета было созвано совещание всех общественно-политических сил региона (представители краевых и местных властей, политических партий, профессиональных союзов) с участием специально приглашенных представителей командования Кавказского фронта, союзников (британского и французского военных агентов при штабе Кавказской армии) и консула США. Среди них выделялись Грузинская социал-демократическая партия (меньшевики), «Мусават», «Дашнакцутюн», ставшие впоследствии базовыми партиями для независимых национальных гособразований края, а также правые эсеры. Большевики¹⁰ бойкотировали работу данного совещания, огласив на нем лишь декларацию Кавказского

8 «Аресты на срок свыше 3-х месяцев могут быть произведены лишь с разрешения Особого Закавказского комитета».

9 Последний был создан поздней ночью 25 октября на объединенном чрезвычайном заседании Исполкома Тифлиского Совета и Кавказского краевого центра Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. На этом заседании выступил Ной Жордания, а также Иракий Церетели, незадолго до этого приехавший как раз из Петрограда.

10 Представляли Кавказский краевой комитет РСДРП(б) Ф. Махарадзе, А. Назаретян и М. Цхакая.

краевого комитета партии, где говорилось о поддержке революции в Петрограде и признании Советской власти. В результате этого совещания решено было не признавать власть СНК во главе с Лениным и создать независимое краевое правительство. 15 ноября 1917 года учрежден Закавказский комиссариат во главе с грузинским меньшевиком Евгением Гегечкори. В тот же день ОЗАКОМ сложил свои полномочия по управлению краем. Главнокомандующий войсками Кавказским фронтом генерал М. А. Пржевальский в своем приказе за № 791 от 19 ноября заявил о признании им Закавказского комиссариата и призвал войска подчиниться этой власти.

Большевики организовали кампанию в прессе с жесткой критикой новосозданного органа и требованием признания власти Петрограда. Многие большевистские газеты запестрели специальными статьями на эту тему. Например, в номере газеты «Брдзола» (на груз. яз.) от 17 ноября 1917 г. одним из центральных материалов является статья «Закавказское правительство», представлявшая собой во многом программное заявление большевистской позиции:

« С головокружительной быстротой было создано Закавказское правительство. Местные партии в течение нескольких часов пришли к соглашению по этому вопросу, и, как полагается, провели официальное заседание, на котором, за исключением большевиков, единогласно было утверждено принятое заранее решение, затем были поделены портфели, в процессе чего, как и следовало ожидать, имел место конфликт; в результате столь интенсивной деятельности и было создано Закавказское правительство. Шутка ли! У нас имеются теперь свои собственные министры, — финансов, внутренних дел, юстиции и всех прочих ведомств, и вообще весь кабинет министров во главе с его украшением — премьер-министром.

Неужели все эти меньшевики, эсеры и дашнаки, а также претенденты на пред-

Генерал Михаил Алексеевич Пржевальский

ставительство грузин, армян и татар, серьезно думают, что для создания правительства ничего больше и не требуется? Если это так, то да простит им история их политическую наивность. <...>

Каков текущий момент? В России совершилась революция. Уже создано и действует правительство рабочих и крестьян, которое делит всю страну на два лагеря — на революционный пролетариат и контрреволюционную буржуазию, на бедняков и богачей, на угнетенных и угнетателей, на Красную гвардию и белую гвардию, на большевиков и кадетов, на Ленина и Каледина-корниловых. Вот какие силы противостоят друг другу. Между ними идет смертельная борьба. Одна из этих сторон окажется в результате этой борьбы раздавленной насмерть. Стоять и равнодушно взирать со стороны невозможно! все должны сплотиться и примкнуть либо к одному, либо к другому лагерю.

Как обстоят дела Закавказского правительства в этом отношении? Кого оно поддерживает?

Весь состав правительства — ясный враг русской революции. Ни один из его членов не заинтересован в победе пролетариата. Ни один из них не ведет борьбы против буржуазии. Они сплываются в борьбе против русской революции, они отторгают Кавказ от революционной России и наносят удар в спину борющемуся пролетариату... >>

Особенностью политической жизни Закавказья стала своего рода ее «национализация». *«В силу недостаточного политического воспитания масс, главным образом мусульманского населения, политическая жизнь края определяется не столько партийными, сколько национальными группировками»*, — писал осенью 1917 года член Тифлисского мусульманского совета Гейдар Бамматов. Именно по национальному принципу были распределены посты в комиссариате. *«Главнейшие министерства (внутренних дел, военное, земледелия), — вспоминал журналист С. Я. Хейфец, — были в руках грузин-меньшевиков; остальными руководили мусаватисты и дашнакцаканы; причем соблюдался паритетный принцип, по которому при министерстве-меньшевике товарищами состояли дашнакцаканы и мусаватисты, и наоборот. Аппарат государственный был налажен довольно слабо, и министерства проявляли мало жизнеспособности»*. Более того, политика комиссариата определялась именно тремя нацсоветами (армянским, грузинским и мусульманским), представители которых вошли в состав Межнационального совета, выполнявшего координационные функции при комиссариате. Значительное влияние нацсоветов объяснялось вхождением его членов в состав Закавказского правительства и контролем над национальными частями, которые в условиях отхода Кавказской армии с фронта оказались единственной вооруженной силой в регионе.

Показательно, что национальные советы возникли практически одновременно с комиссариатом. Например, 19 ноября в Тифлисе открылся Национальный съезд Грузии, который избрал в качестве постоянного исполнительного органа Национальный совет Грузии. Аналогичные советы возникли у армян и мусульман. Для координации их деятельности был создан Межнациональный совет, во главе которого был поставлен известный грузинский меньшевик Ной Рамишвили.

Подчеркнем, что Первый национальный съезд Грузии стал важной вехой в деле объединения грузинских национальных сил¹¹. Ключевым моментом съезда стал доклад Ноя Жордания «Текущий момент и грузинский народ», который можно назвать программным.

Интересна его оценка факта присоединения Грузии к Российской империи в начале XIX века, крайне актуальная и поучительная для сегодняшних грузинских политиков и общественных деятелей: *«Прошло сто лет со времени присоединения Грузии к России. Это присоединение не было результатом чьего-либо личного каприза или делом простой случайности. Оно было исторической необходимостью. В то время Грузия стояла перед дилеммой: восток или запад. И наши предки решили отойти от востока и обратиться в сторону запада. Но дорога к западу лежала через Россию, и, следовательно, идти в сторону запада означало соединяться с Россией»*.

В настоящий же момент, по мнению грузинского лидера, ситуация как в стране, так и в регионе, кардинальным образом изменилась. Жордания назвал октябрьскую революцию преждевременной, а объявленное большевистскими лидерами достижение социализма неосуществимым в тогдашней России. Недопустимым, по его мнению, являлось и желание большевиков решить все проблемы в стране с помощью монополизации власти и создания однопартийного правительства, не пользовавшегося поддержкой большинства населения. По-

¹¹ В нем принимали участие меньшевики, национал-демократы и социал-федералисты.

этому, как заявил Жордания, главная цель политических сил Закавказского региона должна остаться неизменной: поддержка прежней, действительно, революционной власти в лице Временного правительства, плюс к этому, сохранение региона в составе единого Российского государства, но на правах широкой автономии. Для политической стабилизации региона необходимо сформировать и укрепить местную власть, для чего важно, по мысли докладчика, создать действующий и авторитетный властный орган — сейм, куда должны войти лица, избранные населением представлять Закавказье в Учредительном собрании.

Жордания выступил за полное местное самоуправление Грузии. В частности, он настаивал на том, что у Грузии «должно быть право по своим местным делам издавать собственные законы, у нее должна быть своя национальная администрация. Если к тому времени в России будет постоянное войско, тут должно стоять наше войско, если же будет введена система народной милиции, то у нас должна быть организована собственная милиция. У нас должен быть свой суд, свои школы, одним словом, должны быть у нас национализированы все учреждения».

Постоянно функционирующей структурой стал Исполнительный комитет Нацсовета¹², деятельность которого стали контролировать меньшевики, заявившие, тем самым, о своем политическом лидерстве среди партийных образований Грузии. Поэтому-то заявление Жордания на съезде и стало программным для дальнейшей деятельности национальных сил в ходе завоевания власти и работе в направлении независимости Грузии. Нацсовет с самого первого заседания стал работать умело ведомый меньшевистскими лидерами. Последние сразу приняли за реализацию пунктов, озвученных Жордания.

Выпячивание национального принципа во всех действиях говорило о слабости коалиционных органов местной

власти и недолговечности подобных союзов. Национализация все и вся означало стойкое желание грузинских меньшевиков захватить власть если не в регионе, то хотя бы на территории компактного проживания грузин. Об этом прямо говорилось в обращении Совета к грузинскому народу (от 6 декабря): в связи с отсутствием центральной власти «создан первый национальный съезд, который создал руководящий политический центр — Национальный совет Грузии, призванный выявить, возглавить и осуществить общественно-политические и национальные требования, защитить и упрочить революционно-демократические устремления грузинского народа. Съезд принял решения по злободневным вопросам нации для претворения их в жизнь: национализации школы, суда, армии и администрации, введения земств и т. д. Национальному совету поручено потребовать и осуществить полное национально-территориальное законодательное самоуправление с осуществлением широкого самоуправления мусульманской Грузии, а также других окраинных мест, чьи жители изъявляют желание войти в состав Грузии».

Тем самым грузинские меньшевики, несмотря на декларированную ими приверженность старым устоям и единому государству, желали скорейшего перевода на национальные рельсы, считая, что Грузия уже созрела если не к самостоятельному плаванью, то хотя бы к принятию многих самостоятельных политических решений. Грузинские меньшевики как первенствующая политическая сила хотели власти и рвались к ней, пока в рамках региона. Такая национальная ориентация не давала надежды на плодотворное сотрудничество трех основных национальных структур и подталкивала их к обособленному, независимому существованию...

Таким образом, признаем, что появление нацсоветов и возникших рядом с ними и в подчинении к ним нацчастей стало серьезным шагом в сторону независимо-

¹² Его председателем был избран самый популярный на тот момент грузинский политик — Ной Жордания.

Николай Чхеидзе. 1917

сти и создания национальных государственных образований, что и произошло спустя полгода.

То, что ключевые посты в комиссариате оказались в руках грузинских меньшевиков, не должно вызывать удивление, так как грузинская политическая элита к 1917 году была гораздо опытнее и известнее, чем армянская или азербайджанская (последняя вообще находилась в процессе формирования). Грузия ко времени падения империи имела свои национальные кадры, которые самым активным образом, можно даже сказать, в первых рядах участвовали в Февральской революции и политической жизни страны периода Временного правительства.

Въедливый читатель может возразить, дескать, зачем умалять достоинства армянских и татарских, как тогда называли азербайджанских, политиков, мол, представители той и другой нации также участвовали в политической жизни страны начала XX века, избирались в Государственную думу и т. д. Действительно, представители армянских и татарских политических и предпринимательских кругов были депутатами Госдумы разных созывов, играли заметную роль в обще-

ственно-политической жизни Закавказья, однако они не имели и близко той известности и авторитета, который был к началу революции у будущих лидеров Грузинской республики — Ноя Жордания, Ираклия Церетели, Николая Чхеидзе и Акакия Чхенкели. В отличие от своих коллег по закавказскому политическому полю, последние имели громадный опыт как политической борьбы и общественной деятельности, так и сотрудничества, и противодействия властям и своим политическим противникам, в первую очередь — большевикам во главе с Лениным.

Интересным дополнением к этому служит тот факт, что практически все крупные политические деятели смутной эпохи были выходцами из Кутаисской губернии, и никто — из Тифлисской. Даже их собратья по РСДРП — известные большевики Серго Орджоникидзе, Филипп Махарадзе и Ной Буачидзе — тоже представляют Кутаисскую губернию. Крайне показательным, что лидеры Грузинской республики, представляющие меньшевистское крыло РСДРП, были отлично знакомы со своими противниками из Советской России, руководство которой являлось большевистским. Гру-

зинские меньшевики долгие годы были знакомы с Орджоникидзе, активно общались и яростно спорили с Лениным и его окружением. Парадоксально, но финальную точку в жизни ГДР положили именно они. С одной стороны — грузинские меньшевики (как раз вышеперечисленные), с другой стороны — грузинские большевики — Орджоникидзе и Сталин.

Так или иначе, но, в отличие от армян и азербайджанцев, у грузин к началу нового смутного времени уже имелась весьма авторитетная политическая элита, которая при первой возможности взяла власть в свои руки. Отметим, что грузинские меньшевики держали власть в республике от первого до последнего дня ее существования.

Каждый из названных руководителей демократической республики и грузинского национального движения был к этому времени крупной политической фигурой. Ной Жордания был революционер с огромным стажем, которого называли одним из старейших социал-демократов. Он еще в 90-е годы XIX столетия руководил Тифлисской группой легальных марксистов в «Месаме даси» («Третья группа»), куда, кстати, входили и его будущие соратники по грузинскому правительству. Вкратце его революционно-политический послужной список выглядел весьма солидно: депутат 1-й Государственной думы и лидер социал-демократической фракции (среди прочих депутатов подписал печально известное Выборгское воззвание, перечеркнувшее многим дальнейшую депутатскую карьеру), член ЦК РСДРП (1907–1912), председатель Тифлисского совета. Ираклий Церетели был депутатом 2-й Госдумы и опять-таки председателем социал-демократической фракции в ней. Пик его российской по-

литической карьеры пришелся именно на 1917-й год. Он стал одним из лидеров Февральской революции, участвовал в работе различных Советов и даже входил в состав Временного правительства¹³. Николай или Карло Чхеидзе являлся депутатом 3-й и 4-й Государственных дум и также всей своей политической деятельностью способствовал Февральской революции (будучи первым председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, эдакой колыбели революции и революционных решений). Все три будущих лидера Грузинской республики к концу 1917 года имели солидную известность и огромную популярность среди революционных масс, они пользовались значительным авторитетом и по праву занимали места в президиумах разных съездов и политических совещаний. Не отстал от них и Акакий Чхенкели, избранный депутатом 4-й думы от Закавказья и отлично себя зарекомендовавший. Именно он стал одним из членов ОЗАКОМа, как своеобразного филиала правительства в регионе.

Лидирующие позиции грузинские меньшевики занимали во всех последующих организациях и управленческих структурах Закавказья, которые со временем эволюционировали в правительство независимой Закавказской республики. Оттуда эта четверка смогла вырвать Грузию в самостоятельное политическое плавание под своим управлением. Грузинская элита, как показывают события весны–лета 1918 года, была уже готова к решительным шагам в этом направлении, и стремительное наступление турецких войск оказалось тем спусковым крючком, который только ускорил этот необратимый процесс по разделу Закавказья на отдельные друг от друга республики.

¹³ Великолепную его зарисовку (характеристику) оставил Зураб Авалов: «Место Церетели в пантеоне русской революции» и даже высшая санкция славы в виде изображений на коробках монпансье, тоже, конечно, обеспечены. Но в его карьере было что-то особенное: внезапное «явление» во 2-й Государственной Думе — ораторская сшибка со Столыпиным; исчезновение, на десять лет, в Сибирь; столь-же внезапное, но с триумфом, возвращение в Петроград, сразу на «курульное кресло» революции; бесплодное при всей горячности, стремление одновременно к войне, миру, углублению социальной розни — все в тактическом союзе с буржуазией и под предлогом научного ведения революции, по Марксу...».

Закавказский комиссариат своими основными задачами объявил ликвидацию анархии и борьбу с большевистской Россией. В его обращении к народам Закавказья отмечалось, что он является временным органом власти в крае и направит свою деятельность на решение самых неотложных вопросов — продовольственного, земельного, финансового и т. д. Обещалось также незамедлительно подписать перемирие на фронте и урегулировать национальные отношения.

Большие проблемы для комиссариата с самого начала стали создавать участвовавшие в крае случаи межнациональных столкновений. Особенно ситуация обострилась в начале 1918 года, когда произошли крупные столкновения между армянским и мусульманским (татарским) населением в Эриванской и Елисаветпольской губерниях. Именно в тот период зафиксированы первые сожжения как армянских, так и татарских селений, продовольственных и оружейных складов, даже железнодорожных станций. 14 января 1918 года на заседании комиссариата этому вопросу было уделено особое внимание и отмечено, что даже в губернском центре Елисаветполе наблюдается *«враждебное отношение между армянами и татарами»*. Как свидетельствует С. Я. Хейфец, *«в самом городе Елисаветполе положение, например, было таково, что одна часть города по одной стороне реки была в руках армян, а другая по другой — в руках татар; мост же посре-*

ди реки представлял собой границу; посредниками между обеими частями города служили местные греки, евреи и русские, которые спокойно передвигались по всему городу; армянам же и татарам нельзя было переходить из одной части города в другую под угрозой смерти. В самом Тифлисе отношения между армянами и татарами были также очень обостренные, и в татарской части города на Майдане рылись окопы на случай резни».

Важно отметить, что уже тогда в обострении национальных отношений в Закавказье негативную роль сыграла Турция, чьи представители еще с начала войны вели среди мусульманского населения активную пропаганду¹⁴. Последняя в условиях разрастающейся анархии и ужесточения борьбы различных политических сил за власть превращалась в один из главных инструментов разжигания межнациональной розни. Один из лидеров грузинских меньшевиков А. Чхенкели отмечал, что *«вооруженное мусульманское население, придерживаясь турецкой ориентации, называет себя турецкими солдатами и терроризирует своими анархическими проявлениями все христианское население»*. Проведенное в Тифлисе совместное совещание армянского и мусульманского советов для поиска путей выхода из кризиса оказалось безрезультатным. Пламя межнациональной вражды продолжало разгораться, опалая все новые и новые уголки Кавказа...

¹⁴ Ярким примером подобной деятельности является Аджарское восстание 1914 г., в ходе которого пострадало христианское население области, в первую очередь, армянское. См. подробнее: Мартиросян Д. Г. Трагедия батумских армян: просто «резня» или предвестник армянского геноцида? (Эл. адрес: www.regnum.ru/news/1236705.html; Он же. Трагедия батумских армян // Родина. 2010. № 4.

M. Zankovskii

Дележка армии...

Одновременно происходило ожесточенное столкновение за Кавказскую армию, точнее говоря, просто дележка ее наследства и сохранившихся воинских единиц. Лидеры нацсоветов отлично понимали, что чем больше они наwerbуют к себе солдат из бывшей российской армии, тем прочнее будет их положение в крае. Осенью 1917 года в эту борьбу включились лидеры российских мусульман, которые лоббировали идею созданию отдельных мусульманских частей, наподобие грузинских и армянских соединений, уже имевшихся на Кавказе.

В октябре 1917 года командование Кавказского фронта приказало приступить к созданию армянского и грузинского национальных корпусов на Кавказе, однако о мусульманском соединении ничего в первом приказе не говорилось. Различные общественные и политические организации мусульман стали присылать ходатайства о разрешении на создание аналогичного корпуса для них.

Командование Кавказской армии на совещании 1 декабря вынуждено было признать глубокое разложение армии и полную утрату боеспособности. Например, начальник штаба армии генерал И. З. Одишелидзе, характеризуя ее состояние, отмечал: *«После корниловского выступления последние признаки дисциплины исчезли, авторитет начальников всех степеней был окончательно подорван; между офицерским корпусом и солдатами образовалась непроходимая пропасть. Командный состав окончательно потерял доверие солдат... Приказы начальников как общего характе-*

ра, так и боевые утратили свое значение». На том же совещании принято решение немедленно приступить к формированию нацчастей для спасения ситуации на фронте. Предполагалось перебрасывать на Кавказ все части, которые изъявят желание на добровольных началах вступить в национальные соединения, однако опять речь шла о русском, грузинском и армянских корпусах.

Через несколько дней на имя председателя комиссариата пришла секретная телеграмма из штаба главнокомандующего войсками фронта, где давалась развернутая характеристика состояния и боеспособности отдельных войсковых соединений — корпусов, дивизий и полков (со ссылкой на донесения их командиров). Крайне печальная тенденция, озвученная на совещании, подтверждалась всеми полученными с мест донесениями (за редким исключением), где фиксировалась полное разложение частей и утрата ими боеспособности. Приведем несколько наиболее показательных отрывков из данной телеграммы:

« По донесению комкора 6-го Кавказского настроения войск корпуса крайне неудовлетворительное: солдаты отказываются от несения службы, думая только о том, как бы поскорее уйти в тыл на отдых. Корпус, как военная часть, не существует. Развал произошел за последние полтора месяца под влиянием событий в России. Такое же настроение царит в частях 1-го корпуса. <...> В 5-й Туркестанской стрелковой дивизии за истек-

шую неделю произошло не менее резкое изменение настроения в худшую сторону по получении известия о согласии турок на заключение перемирия. В 19-м Туркестанском стрелковом полку были случаи братания, несмотря на протесты командного состава. <...>

Части 5-го Кавказского корпуса в общем боеспособны. 6-я и 7-я кавказские стрелковые дивизии в боевом отношении удовлетворительны. <...> Войска Трапезундского укрепленного района не боеспособны. В войсковых частях 6-го Кавказского корпуса боеспособности никакой, — развал частей полный и в боевом отношении они представляют собой не воинские части, а банды самовольничавших вооруженных солдат.

Третье. — В 13-м Кавказском стрелковом полку 278 солдат бросили полк и с оружием самовольно ушли в тыл, в свой запасной полк. 27-й Кавказский стрелковый полк не исполнил боевого приказа ... 16-й Кавказский стрелковый полк решил, начиная с 3 декабря, идти на отдых в глубокий тыл. Всякие убеждения бессильны. Ожидается самовольный отход 14-го и 15-го кавказских стрелковых полков и 6-й батареи 4-й Кавказской стрелковой бригады. Такое же стремление в тыл обнаруживает 18-й Кавказский стрелковый полк. <...>

Седьмое. — Прибывающие в очень небольшом количестве пополнения влияют отрицательно на настроение солдат, как, например, это наблюдается в обозной бригаде 4-го корпуса и в 8-м военновьючном транспорте.

Восьмое. — Солдатская масса 6-го Кавказского корпуса настроена большевистски, особенно по вопросу немедленного мира и демобилизации. Такое же сильное влияние большевиков заметно в артиллерийском парке 7-го Кавказского горного дивизиона и в войсках Трапезундского укрепленного района, а равно и в частях 4-го корпуса, где влияние большевиков возросло. <...>

Десятое. — Дезертировало солдат 381, возчиков 6, не вернулись из отпусков 312 солдат. >>

В начале декабря из штаба Кавказского фронта последовало предложение о мусульманизации отдельных частей, в первую очередь, 219-го пехотного запасного полка. Закавказский комиссариат и Краевой совет Кавказской армии поддержали это предложение. Соответствующий приказ появился 18 декабря, в тот же день комиссариат объявил о создании новой армии, включавший в себя и Мусульманский корпус. Именно 18 декабря 1917 года можно признать датой фактического возникновения будущей азербайджанской армии, созданной на базе Мусульманского корпуса. Формирование корпуса из мусульман Закавказья было официально начато на следующий день согласно приказу № 155 главнокомандующего войсками Кавказского фронта генерала от инфантерии М. А. Пржевальского.

Одновременно с созданием национальных частей было принято и решение о разоружении отходивших с фронта частей, полное или частичное разложение которых было налицо. Это решение вызвало крайне негативную реакцию со стороны отходивших с фронта частей, а также выборных органов, представлявших солдат Кавказской армии. Например, в Елисаветполе были разгромлены казармы и интендантские склады. Интересно, что беспорядки в губернском центре начались именно после распоряжения комиссариата о «национализации» 219-го полка. Реализация этого решения, выразившаяся в разоружении старого состава, привела к первым эксцессам: армяне, коих в данном полку оказалось около двух тысяч человек, явно не хотели расставаться с оружием, и уж, тем более, отдавать его мусульманам. Для разоружения специально проводилась ночная операция, в ходе которой несколько рот было обезоружено, тогда как остальные оказались в армянской части города, что вызвало дополнительную панику среди мирного населения. Последнее, справедливо опасаясь пролития невинной крови, побежало из Гянджи, тогда как «татарь», то есть мусульмане, наоборот устремились в город, что привело к многочисленным кровавым

Генерал Илья Зураович Одишелидзе. 1921

столкновениям между ними и армянами. Только к 22 декабря в городе был установлен относительный порядок.

Несколько статей и сообщений на эту тему появились в конце декабря на страницах популярной газеты «Кавказский рабочий», издаваемой краевым и Тифлиским комитетами РСДРП(б). Приведем наиболее характерное сообщение в данном издании (№ 232, 31 дек. 1917 г.): «Закавказский комиссариат, опираясь на национальные Советы, открыто вступил на контрреволюционный путь, на путь насильственного разоружения более сознательных революционных частей.

Было произведено нападение на авиационную школу, где захвачены пулеметы и оружие. Разоружение революционных солдат — есть разоружение революции и укрепление контрреволюции. Закавказский комиссариат и национальные Советы ведут явно контрреволюционную политику, подобную той, какую вела уже свернутая буржуазно-помещичья Украинская центральная рада.

Второй армейский съезд¹⁵ постановил, чтобы части возвращались на родину с ору-

жием в руках в целях образования на местах Красной гвардии из крестьян и рабочих. Политика разоружения в корне подрывает организацию вооруженных опорных пунктов в революции.

Кроме того разоружены русские части при помощи национальных полков. Закавказский комиссариат неизбежно становится на путь провокации гражданской войны, на путь национальных раздоров в среде революционной демократии. Никакого доверия буржуазно-оборонческому Закавказскому комиссариату! Никакого доверия, против воли армии и ее съезда, организовавшемуся оборонческому Совету».

Как мы можем видеть, в борьбе за наследство русской армии принимали активное участие и большевики, надеявшиеся с помощью распропагандированных русских солдат захватить власть в Закавказье. Эта борьба вступила в свою завершающую фазу в конце 1917 года. В ноябре на собрании представителей Тифлиского гарнизона по инициативе большевиков состоялось избрание Делегатского собрания, ставшего постоянным выборным органом всех расположенных там воинских частей¹⁶. Оно сразу же потребовало созыва 2-го Кавказского Краевого армейского съезда и занялось вооружением тех подразделений, у которых отсутствовало оружие. В ответ «Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов было назначено чрезвычайное пленарное заседание Комитета совместно с представителями от частей войск в лице членов организационных комитетов». Вопрос об отношении к Делегатскому собранию являлся там ключевым. Деятельность собрания была названа «вредной и тормозящей деятельностью самого Исполнительного комитета», а сам обсуждаемый орган — «самочинной организацией, организацией большевиков, организацией, создающей двоевластие в гарнизоне, подрывающей авторитет Совета и его Исполнительного комитета». Поэтому практически все члены Исполкома требовали «принятия решительных мер»

¹⁵ Состоялся в Тифлисе 23 декабря 1917 г. О его проведении и результатах см. ниже.

¹⁶ Состояло из представителей 70 частей Тифлиского гарнизона.

к роспуску «Делегатского собрания». Большевики попытались защитить поддерживавший их орган и внесли свою резолюцию на обсуждение, однако, как зафиксировано в газете «Кавказский рабочий» от 7 ноября 1917 г., «подавляющим большинством голосов прошла резолюция оборонцев, то есть «Делегатское собрание» распустить». Оглашение данной резолюции привело к открытому конфликту между сторонами, и большевистская фракция в полном составе покинула зал заседания.

Эта была одна из последних попыток мирного сосуществования, после чего началась открытая борьба, выплеснувшаяся на улицы и площади политического центра региона. В начале декабря меньшевики объявили Тифлис на военном положении, а революционно настроенные части стали высылать из города. Вслед за этим силами комиссариата было организовано нападение на Арсенал, в результате чего последний, по словам подполковника А. Готовцева, «занят грузинскими частями, и находящаяся там большевистская команда разоружена». Потеря арсенала лишила большевиков основного источника оружия для революционных частей¹⁷, это стало сильным ударом по их позициям в столице края. В конце декабря они были выбиты и из Тифлисской авиационной школы, которую полностью разоружили, а оружие пошло силам, близким к комиссариату. Одновременно шло выдавливание большевистской прессы, и к началу 1918 года можно говорить о ликвидации тифлиских изданий подобной направленности.

На состоявшемся 23 декабря в Тифлисе Краевом армейском съезде большевики и левые эсеры имели большинство¹⁸, что позволило им провести нужную резолюцию с отказом признать власть Закавказского комиссариата и осуждением его политики. Также на съезде было принято решение о полной поддержке власти Советов в Закавказье и избран новый Крае-

вой Совет армии¹⁹, в котором доминировал большевистско-левоэсеровский блок.

Но, как только работа съезда закончилась, и большинство делегатов разъехалось, меньшевики, эсеры и представители «Дашнакцутюна» при поддержке Тифлисского совета объявило о нелегитимности избранного совета и провозгласило себя Краевым советом Кавказской армии. В ответ избранный на съезде совет создал свой исполнительный орган — Военно-революционный комитет армии, предложивший создавать в частях и гарнизонах свои ВРК для захвата власти на местах.

Таким образом, в Тифлисе в конце 1917 года началась работа по концентрации верных сил и обеспечению их оружием с одновременной фильтрацией ненадежных частей. Также по инициативе комиссариата стали осуществляться мероприятия, направленные на ликвидацию или выдавливание всех оппозиционных структур, включая партийные представительства и редакции большевистских изданий. Фактически шло стремительное наращивание вооруженных сил в обоих лагерях: комиссариат вокруг себя собирал нужные ему подразделения, большевики же начали объединять верных им солдат под руководством ВРК.

По иному сценарию развивались события в Баку, где реальная проба сил произошла сразу после получения известия из Петрограда о свержении Временного правительства. Бакинские большевики под руководством Шаумяна быстро и успешно расчистили для себя политическое поле. Практически мгновенно исчез Комитет общественной безопасности, созданный как раз для борьбы с большевистским восстанием, затем прекратила свое существование Городская дума во главе с будущим главой Азербайджанской республики Ф. Хойским. Вся власть в Баку и окрестностях оказалась в руках Баксовета (Бакинского совета рабочих и солдатских депутатов). Его руководитель Степан

¹⁷ По различным данным, там хранилось от 16 до 19 тыс. винтовок.

¹⁸ Большевистская фракция составила 160 делегатов, не считая группу левых эсеров.

¹⁹ Его председателем стал большевик Г. Н. Корганов.

Русские войска на Кавказе. 1916

Шаумян был в середине декабря подкреплен специальным постановлением СНК, согласно которому председатель Баксовета назначался «чрезвычайным комиссаром Кавказа» с широчайшими полномочиями, ему выделялось полмиллиона рублей для борьбы с контрреволюцией. Тем самым, можно констатировать, что к концу 1917 года большевикам удалось взять под контроль весь Бакинский промышленный район, однако распространить свою власть на все Закавказье у них просто не хватило сил и возможностей.

Таким образом, к началу 1918 года на Южном Кавказе сформировались два противоборствующих лагеря, собиравшие вокруг себя дружественные или союзные силы. Первым из них стал большевистский Баку, являвшийся форпостом советской власти в регионе. Ему противостоял традиционный центр края — Тифлис, где с давних времен располагалась местная власть, в данном случае, комиссариат, представлявший собой фактического

преемника ОЗАКОМа и направивший все силы на создание собственных вооруженных сил, в данном случае, национальных корпусов.

Хейфец оставил интересную зарисовку, демонстрирующую реальную ситуацию создания нацчастей: *«Национальные части воевать не хотели, солдаты дезертировали в свои деревни или уходили в горы. Офицеры же разгуливали в фантастических формах с русскими погонами на плечах по Головинскому проспекту; зато национальные части усердно занимались реквизицией всего, что попадалось на глаза и ловлей в кофейнях дезертиров, которые тут же за деньги откупались»*. Генерал-лейтенант Али-ага Шихлинский, назначенный вскоре командиром Мусульманского корпуса, был неприятно поражен при первом знакомстве с солдатами, назвав собранных Тифлиским комитетом, просто «сбродом». Понятно, что процесс комплектования и вооружения национальных корпусов шел крайне медленно.

На пути к Шамхору...

Проблему нехватки оружия в краевом центре попытались решить простым отбором его у отходивших солдат, давно вошедших в разряд ненадежных по причине явных симпатий к большевикам. Именно это предложил делать председатель Президиума Кавказского Краевого центра Советов Ной Жордания, о чем прямо говорилось в его телеграмме всем местным советам от 6 января 1918 года: *«Краевой центр Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил предложить всем Советам принять меры к отобранию оружия у отходящих частей и о каждом случае доводить до сведения Краевого центра»*. В Тифлисе не могли не понимать, к каким тяжелым последствиям это решение приведет, однако большая вероятность жертв, как среди мирного населения региона, так и среди уезжавших, не остановила тогдашних политических деятелей Закавказья. Телеграмма Жордания вскоре привела к кровавым событиям, разыгравшимся в начале 1918 года на пути Тифлис–Баладжары (на станциях Деляры, Акстафа, Шамхор, Ахтагла и др.), а также на отрезке Баку–Дербент — на станции Хачмас. Там произошли столкновения, вплоть до крупных боев с применением артиллерии, между национальными частями, мусульманскими отрядами (кои являлись главной действующей силой) и возвращавшимися с фронта солдатами.

Нельзя не согласиться с Я. Шафиром, который писал, что *«причин начатого комиссариатом разоружения частей Кавказской армии в конце 1917 года было много»*.

Действительно, имелось несколько причин и факторов, повлиявших на принятие этого трагического решения и на его дальнейшую реализацию.

Среди основных факторов следует назвать следующие:

во-первых, сложившуюся на тот момент тяжелую ситуацию в регионе, связанную с окончанием войны и развалом фронта, фактическим безвластием и анархией;

во-вторых, что стало вскоре главным, началом яростной и бескомпромиссной борьбы за эту самую власть в крае, за которую схлестнулось несколько политических сил при внешней поддержке; разоружение стало инструментом борьбы, одним махом ликвидировалась угроза в лице большевистских сил и появлялось свободное оружие для укрепления собственной силы (как справедливо отмечает С. Сеф, для руководителей комиссариата и Краевого Центра Советов во главе с Жордания «нецелесообразно было, противопоставив себя власти Советов, пропустить на север большевистски настроенную вооруженную солдатскую массу»);

в-третьих, желанием скорейшим путем создать и вооружить собственные военные силы (это касается как грузин, так и мусульман);

в-четвертых, сохранить главные политические и идеологические национальные центры, в данном случае, Тифлис (для грузин) и Гянджу (для мусульман);

в-пятых, это турецкий фактор.

Туркам было крайне выгодно полнейшее разложение фронта и скорейшая ли-

квидация сил, на нем находившихся. Это было важно в свете запланированного наступления, которое и началось в феврале 1918 года., когда русский фронт оказался оголен и фактически пустым, так как все части старой армии исчезли, а новых, имевших подобный боевой опыт, почти не было. Агентурно-диверсионная деятельность турецкой стороны дала свои плоды...

Наиболее масштабное и самое кровопролитное столкновение в ходе затеянного процесса разоружения произошло в период 9–12 января в районе станции Шамхор, где были остановлены с десятков солдатских эшелонов, а также следовавший в хвосте как минимум один пассажирский. Шамхорские события стали пиком политической линии, проводимой комиссариатом совместно с национальными советами, в первую очередь, грузинским и мусульманским. Для выстраивания цельной картины происходящего необходимо понять разные причины и предпосылки тех или иных действий и шагов, подтолкнувших к кровавым событиям, а также проследить последствия Шамхора, которые напрямую повлияли на расклад сил в регионе и дальнейшее раскручивание Гражданской войны. Это позволит воссоздать более полную фактическую канву и подискутировать с современными закавказскими историками, создающими свои национальные истории, весьма далекие от реальной картины происходившего тогда на Кавказе. Вероятно, что другая хроника и другая смена событий вокруг и в ходе самого Шамхора даст возможность заинтересованным читателям сделать собственные оценки происходившего тогда и задействованным там политическим силам.

* * *

Закавказский комиссариат и сохранявшиеся органы краевой власти не могли справиться с быстро расплывавшейся анархией, беспорядками, нападениями, грабежами и т. д. Отметим, что добавило дров в этот костер и объявленное распоряжение

о разоружении. Начались стихийные попытки отбора оружия, фактически захвата татарскими бандами, регулярно подобные эксцессы стали проходить на станциях железной дороги на огромном участке от Тифлиса до Баку. Обстановка анархии и вседозволенности способствовала начавшимся нападениям на станции и проходившие составы — как солдатские эшелоны, так и пассажирские поезда. Таким образом, ситуация в регионе и на железной дороге была близка к критической и до трагических Шамхорских событий.

Сохранность эшелонов и безопасность пассажиров практически никем не обеспечивалась с конца 1917 года. В качестве характерного примера приведем телеграмму начальника 2-го участка военно-народной охраны подполковника Арарунова со станции Елисаветполь (от 18 декабря под грифом «Срочно, вне очереди»): *«Настроение в уезде и по линии тревожное. Тифлису грозит опасность быть отрезанным, в окрестностях паника, русское население бежит, туземцы преследуют, жигают села, деревни, отправляющиеся в дороге попутно ограбляются. Бесследно исчез Капитан Осипов, товарищ Поручика Снарского, имеющий при себе крупную сумму денег. Люди категорически отказываются нести службу на станциях, самовольно возвращаются в Елисаветполь. Ввиду создавшегося безвыходного положения прошу о принятии самых решительных мер за безопасность на уч. ручаться не могу».*

Ситуация на железной дороге и вокруг нее окончательно вышла из под контроля именно в конце 1917 года. В частности, из Управления Закавказских дорог вечером 20 декабря передали о ситуации на ст. Елисаветполь (их донесения или сообщения смахивали на сводку военных действий): *«Поезд № 6 прибыл, положение тревожное, одна надежда на блиндированный поезд, других солдат нет, всего-навсего на станции четыре человека, служащие находятся в жилых помещениях, в свободке почти все здания сожжены и разграблены, от ст. Кюрок Чай до Дджегама все агенты покинули станции, ст. Алабашилы сгорела. Среди местных жителей почти нет убитых, со сторо-*

Русские войска на Кавказе. 1917

ны татар убитых до 300 человек, наших солдат человек десять. Поезд № 110 с делегацией и пластунами сейчас прибыл, сейчас началась опять перестрелка». Аналогичная тревожная информация пришла и со станции Акстафа, откуда докладывали, что со стороны окружавших станцию русский селений слышна перестрелка, и «местные купцы-татары» предупреждают о большой вероятности ночных нападений татарских банд из местных жителей.

Были попытки исправить ситуацию, однако явно безуспешные, не хватало ни сил, ни средств, ни времени, ни желания ответственных лиц в Тифлисе. Например, была предпринята попытка направить «для охраны линии и станции Елисаветполь частей конного татарского полка, квартирующего в Еленино». Предполагалось, что «охрана из мусульман произведет сильное моральное впечатление как [на] служащих, так и грабителей». Однако ситуацию, скатывающуюся к абсолютной анархии и параличу властей на местах, уже остановить и притормозить полумерами было нельзя.

С каждым днем положение на железной дороге и около нее ухудшалось. 21 декабря в Тифлис пришла еще одна паническая телеграмма: «Разгромлены все будки, казармы, полуказармы и ст. между Конляром и Евлахом, ограблены все служащие, были случаи насилия над женщинами, у некоторых семья уведена, есть жертвы, сожжены станицы Алабаишлы, Зазалы, разграблен, расхищен поезд с мукой и сахаром, [в] Алабаишлах служащие уехали и движение производится без телеграфа между Шамхором и Елисаветполем и Евлахом, движение производится под охраной бронированного поезда, оставшиеся служащие голые, без крова, вышлите сапоги, одежду, у ст. Дзегам сожжено дотла уничтожено русское селение, срублены сады, нужна экстренная помощь и не один эшелон, а целые надежные полки, чтобы можно было восстановить нормальное движение, необходимо командировать служащих для занятия покинутых оставленных мест, требуем поскорей двигать вооруженные силы и жел.дор.рожников, спасти положение, пусть выедут на месте и из комиссариата, [и] из организации, медлить нечего, лично надо видеть

На Кавказском фронте. Привал на шоссе. 1915

все ужасы, чтобы убедиться и действовать из центрального комитета, командируйте несколько их членов, а также пусть выведут в Елисаветполь администрация дороги, вышлите [в] Елисаветполь [в] местный комитет восстановить остальные сто шестьдесят винтовок патронами и пятьдесят револьверов для паровозных бригад и патроны для Нагана, не медлите, весьма тревожно». Сводки боевых действий или донесения из района стихийного бедствия — именно такая ассоциация стойко возникает в ходе чтения данных телеграмм...

Эти тревожные, панические телеграммы с просьбами незамедлительной помощи и присылки воинских команд быстро сменились ультиматумами. Например, уже 23 декабря «явилась депутация железнодорожного съезда, заявившая ультимативно, что если к завтрашнему утру не прибудет в Елисаветполь воинская сила в достаточном количестве, чтобы оградить железнодорожных служащих от насилий, то они все покидают станцию и движение по участку Дзегам–Елисаветполь фактически прекратится». Поэтому начальник снабжения

фронта генерал-лейтенант Аверьянов писал главному начальнику округа, что «имея в виду катастрофические последствия от такого перерыва движения, прошу Вас принять самые решительные меры к немедленной посылке войск».

Краевых властей и единого командования уже не существовало, накатывала анархия, в которой власть пытались прибрать себе национальные лидеры и национальные советы. Характерным примером является ситуация в губернском центре — Елисаветполе. Как пишет в своем донесении начальник гарнизона города генерал-майор В. Н. Гусаковский генерал-майору З. А. Мдивани (главному начальнику Кавказского военного округа) в Тифлис²⁰, «гарнизона города нет, так как Татарского полка последняя сотня стоящая [в] Еленино по постановлению национального комитета уходит, 219-го полка все солдаты уволены или дезертировали, кроме батальона около пяти-сот человек армян, который приказанием военного Комиссара поступил [в] распоряжение армянского комитета и охраняет армянскую часть. Мне командовать не над чем».

²⁰ Донесение можно датировать можно декабрем 1917 г., из-за порчи телеграфного сообщения оно было получено и доложено Мдивани только в первых числах января 1918 г.

Таким образом, ситуацию в губернии, да и вдоль дороги контролировали местные татарские банды, занимавшиеся грабежом и разбоем, частично находившиеся в подчинении Елисаветпольского мусульманского совета (их численность приблизительно можно оценить в пределах 10 тыс., вероятно, и больше, помня о том, что мужское мусульманское население Закавказья было освобождено от несения воинской повинности и поэтому в период безвластия и анархии в значительном числе было предоставлено само себе).

Важно отметить, что мусульманское население обитало в селениях вдали от железнодорожных станции, в основном в сельской местности, это ставит под сомнение тезис об их частом соприкосновении и столкновениях с солдатами с эшелонов (о чем пишут современные азербайджанские авторы). Дескать, малочисленные и бедно одетые мусульманские отряды самообороны вместе с бронепоездом Закавказского комиссариата в неравном бою остановили эшелоны с большевистскими и армянскими солдатами и разгромили их, спасая тем самым Гянджу и местное население от погромов и насилия, а также власть комиссариата — от посягательств большевиков и дашнаков. Причем утверждается, что солдаты, возвращавшиеся с фронта, всю дорогу занимались грабежами и убийствами мирных жителей, и, дескать, после обстрелов соседних со станциями селений возмущенные местные жители вступили в бой с солдатами и разоружили большинство из них. Эта версия отлично укладывается в современную политическую традицию Кавказа четкого разделения на своих — хороших и чужих — плохих. В данном случае азербайджанцы пытаются доказать перманентную опасность со стороны армян и борьбу с последними мусульман разных поколений.

Скорее же было наоборот: местные мусульмане, предоставленные сами себе, смотрели на дорогу как на источник материальных благ наживы, проще говоря, место нападений и последующего прак-

тически безнаказанного обогащения, что и подтверждается многочисленными телеграммами и донесениями того периода. Нехватку оружия они тоже пытались ликвидировать на дороге, отбирая его с любого попадавшегося к ним в руки эшелона. Ни о какой самозащите и обороне в этом случае речи идти не может, скорее, жестокие разбойные нападения на проезжавшие по Закавказской железной дороге эшелоны были введены в традицию (так, судя по документам, продолжалось не один месяц).

Отметим, что разоружение с конца 1917 года тоже вошло в политическую моду Кавказа. Как отмечает С. Сеф, *«уже в ноябре и декабре месяцах Межнациональным Военным Советом выносятся ряд постановлений и главным штабом, согласно этих постановлений, отдаются приказы о передаче всего оружия и вообще военного имущества той или другой части в распоряжение вновь формирующихся национальных частей»*. Первый опыт оказался крайне удачным (в Тифлисе), поэтому нацидеры решили продолжить такой своеобразный эксперимент в большем масштабе, что и привело к трагедии и большой крови...

Начавшееся разоружение повлияло еще и на обострение межнациональных отношений. Яркий пример — разоружение 219-го запасного полка силами Татарского полка в Елисаветполе, где большой процент составляли армяне. Если *«русские солдаты сдали оружие миролюбиво и завтра выезжают»* из города, как докладывал губернский комиссар Зиятханов, то контакты с армянами носили сложный характер, все вылилось в перестрелки, выплеснулось на улицы и еще больше разогрело городские и окрестные массы (подогревали и слухи, которые стали предвещать новые столкновения). Как отмечает Я. Шафир, *«в беспорядках приняли участие бежавшие арестанты и жители окрестных селений»*. По словам С. Сефа, проведенная Мусульманским Национальным Советом *«операция была отмечена массовым грабежом. С солдат, отправлявшихся на вокзал, снималась все вплоть до нижнего белья»*.

Почти одновременно на самой «станции Елизаветполь» нападению подвергся и железнодорожный батальон. Солдаты оказали сопротивление. В результате сопротивления оказались убитые и раненые с обеих сторон; были сожжены казармы».

Помимо начавшихся перебоев в движении поездов на железной дороге был испорчен и телеграф, в результате чего донесения в Тифлис доходили с большим опозданием. Как доносил в Тифлис новый начальник гарнизона полковник Сурханов, «русские почти все уволены, охрана солдатами армянского батальона невозможна, солдаты в татарскую часть города не идут ввиду расформирования полка». Поэтому он предложил единственно возможный в то время вариант — назначить реальным начальником гарнизона командира татарского полка.

Судя по его следующим донесениям, ситуация продолжала ухудшаться. «Семнадцатого декабря татарские разбойничьи шайки напали [на] гарнизонные караулы, разгромили продовольственные магазины, патронный склад, цейхгаузы казачьих вещей, напали на роты, подожгли станционные помещения, подробности рапортом», — писал он. Рапорт, отправленный 26 декабря из Елизаветполя и полученный 3 января 1918 года в штабе округа, был несколько подробнее, но суть дела не менялась. Сурханов докладывал: «Дношу, что 17-го сего декабря около 6 часов вечера татарские разбойничьи шайки напали на гарнизонные караулы от 219 пехотного запасного полка, разгромили продовольственный запасный магазин, патронный склад, цейхгаузы казачьих частей, гарнизонную гауптвахту, обезоружили караулы, некоторые роты. Беспорядки в городе продолжаются по сей день, горят станционные помещения, подожженные также разбойниками, подробных донесений как от воинских частей, так и от гражданских не имею. Смотритель елизаветпольского продовольственного магазина тяжело ранен. Мною назначена комиссия для приема и сдачи Штабс-капитану Дорохову запасного продовольственного магазина. Произведен осмотр разгромленного имущества, составлен протокол. Караулы предпри-

саны сотням Командира Татарского Конного полка, который 17 и 18-го таковые занимали, а 18-го сдали для охраны Национальному мусульманскому населению, которое в данное время их охраняет».

Другое донесение Сурханова тоже не добавило оптимизма в Тифлисе: «Полк [в] ужасном положении ввиду разбоев, убийств, ограблений, среди солдат полная паника, все разбегаются, полк прекратил работу. С офицерами полка жду распоряжений. Желательно [в] армянский батальон передать распоряжение армянского национального комитета [с] оставшимися офицерами, необходимыми делами [и] документами переехать [в] Тифлис».

Это позволяет сделать вывод о том, что весьма сплоченные и организованные татарские формирования уже всюду действовали как на территории губернии, так и в самом губернском центре. Объектом их грабежа и насилия становились не только гражданские лица, но солдаты и офицеры полка. Захват оружия был всего лишь одной из целей нападений, а главенствовал банальный грабеж денег, имущества, даже обмундирования.

* * *

Отметим, что именно разоружение 219-го полка и послужило во многом отправной точкой целой череды печальных кровавых событий, связанных с захватом и отбором оружия (а также одежды, продовольствия и всего наличного имущества) у покидавших фронт солдат (причем в составе уже серьезных соединений), пиком которых, бесспорно, стало Шамхорское побоище, в котором, что крайне показательно, пострадали не только солдаты, но и многочисленные гражданские лица, пытавшиеся уехать по железной дороге в сторону Баку.

Подчеркнем, что, судя по архивным данным, решение о разоружении 219-го запасного полка было принято коллегиально и совместно гражданской администрацией края в лице Закавказского комиссариата и высшим военным командованием. В дальнейшем же все

На Кавказском фронте. Трофеи. 1915

решения принимались исключительно тогдашними руководителями края и национальными лидерами, то есть руководством нацсоветов. Подтверждением этому служит следующее официальное сообщение и. д. начальника штаба Кавказского фронта генерал-майора В. А. Левандовского, разосланное 22 января 1918 года в редакции крупных закавказских газет («Известия Совета солд. и раб. Депутатов», «Кавказское слово», «Кавказский листок») и во все Нацсоветы (Русский, Армянский, Мусульманский и Грузинский), которое мы и приводим ниже:

« В связи с разговорами и речами о печальных событиях, происходивших в Елизаветполе, Шамхоре и др. местах при разоружении проходящих эшелонов непрерывно упоминается Штаб фронта и в частности мое имя как лиц причастных и даже виновных в этих событиях. В целях восстановления истины покорнейше прошу Вас напечатать нижеследующее сообщение:

На заседании, в декабре, на заседании Закавказского Комиссариата ко мне обратились члены его с заявлением о том, что солдаты 219 запасного полка, предназначенного для мусульманиза-

ции, разбегаются из Елизаветполя, распродавая или унося винтовки, патроны и другое имущество, и с просьбой отдать приказание о том, чтобы это имущество и оружие были переданы расквартированному в Елизаветполе Татарскому конному полку.

На следующий день, 15 декабря в 12 часов дня, сообщив обо всем этому кому следует, я вызвал по прямому проводу Начальника гарнизона города Елизаветполя, командира 219 запасного полка и командира Татарского конного полка и имел с ними следующий разговор, который передаю по телеграфной ленте:

«У аппарата Воинский Начальник, говорит Генкваркафронта генмайор Левандовский. А что, командир Татарского полка есть у аппарата? Нет, он в Тифлисе, а помощник в колонии Еленино. Здесь адъютант полка. Передаю приказание Главнокомандующего для немедленного исполнения: запасный полк, находящийся в Елизаветполе, подлежит немедленной национализации мусульманами. Все распоряжения по этому поводу будут сделаны мусульманским национальным комитетом. Всё имущество и вооружение должны быть переданы немедленно Татарскому конному полку.

Об исполнении этого приказа должны донести непосредственно начальнику штаба фронта. Командиру запасного полка Татарского конного. Конечно, передачу таких вещей произвести так, чтобы не произошло каких-либо печальных недоразумений. 66. Генкварфронта генмайор Левандовский.

Не имеете ли чего важного сказать? Командир 219 запасного полка спрашивает, кто должен сменить гарнизон мусульманизированный полк или Татарский конный полк. Вчера послана срочная телеграмма, где просил разрешения всех русских солдат уволить [в] отпуск, так как они разбегаются сами, а по нар[ядам] идти не хотят, как быть. Увольняйте, конечно, с тем, что из отпуска они являлись на родине к своим воинским на[чаль]никам, это будет единственное правильное решение и мо[жете] сослаться на меня».

Вот единственное распоряжение штаба фронта и мое лич[но] во всем этом деле. Подчеркиваю, что всё это происходило в [дек.] По поводу этого распоряжения было произведено следствие и [пред] следственной комиссии член краевого совета зая[вил] мне, а затем доложил в краевом совете, что никакой ответственности на штаб фронта и на меня лично не ложится.

После этого никаких распоряжений по поводу разоружения ни штаб фронта ни лично я не отдавали и никакого отношения ко всем этим делам не имели, ибо все они шли не только помимо штаба фронта и меня лично, но в большинстве даже и не были известны нам. >>

Само начавшееся разоружение, как уже говорились выше, было следствием нескольких причин. Во-первых, и это главное, началась яростная борьба за власть в крае, за которую схлестнулось несколько политических сил при внешней поддержке. Поэтому, с одной стороны, можно зафиксировать серьезный страх у лидеров национальных советов, и соответственно, лиц, входивших в комиссариат, потерять недавно полученную власть.

Перед их глазами был Петроград, где быстро и успешно прошел большевистский переворот, а затем и разгон Учредительного собрания, на который возлагали большие надежды.

С другой стороны, это желание как можно быстрее создать собственные вооруженные силы, для чего необходимо было большое количество оружия, как стрелкового, так и артиллерийского. Оно в значительном числе имелось только у отходивших с Кавказского фронта частей, отбор оружия представлялся наиболее простым и эффективным решением проблемы.

Страх тифлиских властей потерять свои полномочия подпитывался регулярно обновляемой информацией о разложении армии, большевизации частей и тревожными телеграммами (близкими к паническому), приходившими чуть ли не ежедневно как из штаба командующего Кавказским фронтом, так и с мест. Одним из реальных центров большевистской активности в армии стал Сарыкамыш, находившийся близко к фронту и вдалеке от регионального центра (оттуда большевиков уже практически выдавили к концу 1917 г.). Здесь к середине декабря 1917 года скопилось более 20 тыс. солдат различных частей.

Появившаяся информация о перемирии с турками окончательно деморализовала армию, что привело к стихийному отходу частей с фронта в тыл. Последние сделались совершенно неуправляемыми, что еще больше затрудняло ситуацию в регионе и вносило хаос в любое движение, в первую очередь, по железнодорожным путям. О том, насколько далеко зашел этот процесс, свидетельствует телеграмма генерала Одишелидзе от 5 декабря 1917 года, адресованная командиру 1-го Кавказского корпуса, где отмечалось: *«Сегодня я назначаю второе совещание о том, где разместить в Эрзеруме и окрестностях части вашего корпуса, самовольно идущие сюда. Если части вашего корпуса сохранили хоть чуточку рассудка, они должны двигаться маленькими эшелонами и начать движение не ранее как через 15 дней, ибо Эрзерум и его*

окрестности забит семью полками 6-го корпуса. Для вашей ориентировки сообщая, что 6-й корпус уже начал передвижение по узкоколейке на Сарыкамыш торопясь, чтобы Вы его не опередили. Правый фланг 4-го корпуса, вероятно, тоже заторопится опередить вас и вы понимаете, что из всего этого получится...».

Руководство комиссариата и нацсоветов волновало не только само стихийное неконтролируемое движение, но также цель и направленность отходивших частей, многие из которых находились под влиянием большевистской агитации. Особенно показательны две телеграммы вышеупомянутого генерала Одишелидзе от 6 и 7 января 1918 года, где прямо говорилось о неповиновении Эрзерумского артиллерийского полка, который под воздействием большевистской агитации принял решение воспрепятствовать возможному разоружению полка и идти на Тифлис для свержения комиссариата, для чего было взято из Эрзерума 48 полевых орудий, а на Сарыкамышском складе захвачено еще 8 горных орудий. Это создавало не просто беспорядки, но и прямую угрозу власти комиссариата в Тифлисе.

Развал армии и расползание частей происходило на фоне активизации политической борьбы между уже вполне сформировавшимися блоками. Под давлением и влиянием большевиков в декабре был созван Второй Краевой армейский съезд (или 2-й фронтовой, как его еще именовали)²¹. Большевистская фракция на съезде в силу подавляющей популярности последней среди солдат оказалась наибольшей — 160 делегатов. Также в ходе работы ее поддержали левые эсеры, что позволило создать сильный большевистско-левоэсеровский блок, с помощью которого удалось провести все запланированные решения и резолюции.

В первую очередь, съезд большинством голосов (181 голос против 168) признал власть Совета Народных Комиссаров во главе с Лениным и все изданные им декреты, одновременно отказав в признании Закавказскому комиссариату²².

Следующим важным моментом стало избрание нового состава Краевого совета Кавказской армии в количестве 100 человек (из них 52 представляли большевистско-левоэсеровский блок, а 48 — правый блок, то есть меньшевиков, правых эсеров и др.). Руководить им избран большевик Г. Н. Корганов. Как вспоминал С. Я. Хейфец, *«по окончании работы съезда вновь избранный Краевой Совет армии обратился с телеграммой к Совету Народных Комиссаров, извещавшей об объявлении Краевого Совета верховной властью в пределах военного управления на Кавказе».*

Корганов через несколько дней после окончания съезда (28 декабря) возглавил и исполнительный орган Совета — Военно-Революционный Комитет (ВРК), ставший особым органом военной власти в составе 9 человек. Под давлением комиссариата он вынужден был перебраться в Баку, хотя в его приказе говорилось, что «временно». ВРК должен был *«немедленно провести в жизнь все постановления II Кавказского краевого армейского съезда: о демократизации армии, о вооружении, о борьбе с контрреволюцией и пр.»*. Как заявлялось в приказе ВРК от 2 января 1918 года, *«ввиду большого протяжения Кавказского фронта, обособленности отдельных отрядов, а также ввиду особых задач по отводу и демобилизации войск и по борьбе с контрреволюцией»* были образованы отдельные ВРК на местах: *«Восточно-Персидского района фронта — в гор. Энзели; Урмийского района — в м. Джульфа; Ванского района — на ст. Шахтапты; Эрзерум-Эрзинджанского района — в м. Сарыкамыш; Трапезундского района — в гор.*

²¹ Съезд проходил в Тифлисе с 10 по 23 декабря 1917 г. На нем присутствовало около 350 делегатов. Руководил съездом Степан Шаумян.

²² При этом, помимо отказа признания власти Закавказского комиссариата, было принято решение о посылке революционных войск на Северный Кавказ для борьбы против контрреволюционных сил в лице атаманов Каледина и Караулова.

Транезунде». Интересна зарисовка тех событий, предложенная С. Я. Хейфецом: «Исполкомы исчезли, как по мановению. Состоявшие теперь в огромном большинстве из большевиков, они объявили себя военно-революционными комитетами, согласно вышеуказанным директивам большевистского Краевого Съезда».

Не бездействовал в это время и комиссариат, который 18 декабря 1917 года издал специальный декрет о новых условиях службы на Кавфронте. Там, в частности, объявлялось, что армия сводится в строевые единицы по национальному признаку, что солдаты и офицеры Кавказской армии, не желающие продолжать службу на фронте, будут направлены к своим воинским начальникам для новых назначений, а все оставшиеся в национальных частях солдаты и офицеры обязаны оставаться на службе до заключения общего мира и окончания демобилизации. Таким образом, конец 1917-го года можно признать неким водоразделом, после которого политическая борьба в Закавказье окончательно приобретает черты бескомпромиссной гражданской войны.

Как писал советский историк А. П. Стеклов, *«закавказский контрреволюционный блок принял все меры предосторожности, чтобы не допустить прибытия с фронта в Тифлис большевистски настроенных частей. Начальник военных сообщений Кавказского фронта ежедневно информировал президиум Исполнительного комитета Тифлисского Совета солдатских депутатов об отправлении эшелонов из Джульфы, Шахтакты, Сарыкамышы и Александрополя и о переправке их на станцию Аг-Тагла без заезда в Тифлис для дальнейшей отправки по направлению в Баку».* По воспоминаниям Б. Л. Байкова, *«создавшийся к тому времени Закавказский Комитет (имеется в виду комиссариат — В.М.), во главе с Е. П. Гегечкори, распорядился закрыть для уходивших с фронта войск город Тифлис, опасаясь разграбления его и богатейших военных запасов, в нем сосредоточенных, солдатски-*

ми бандами; для этой цели узловая станция Навтлуг (в 5–6 верстах от Тифлиса), через которую шло раньше сообщение с фронтом как из Тифлиса, так из центра России, была закрыта и узловая станция была перенесена в Караязы, кажется, или еще дальше — одним словом, верст за 40–50 от города Тифлиса, благодаря чему воинские эшелоны по железной дороге следовали в Россию минуя Тифлис». Одним из шагов подобной направленности и стало решение о тотальном разрушении частей, отходивших с фронта.

Следующий из отмеченных выше факторов — это желание мусульманских лидеров создать и вооружить собственные воинские соединения, для чего требовалось большое количество, в первую очередь, стрелкового оружия (винтовки и пулеметы), плюс, артиллерия. Основные склады военного округа находились в Тифлисе и одноименной губернии (и, кроме того, вблизи линии фронта, например, в Сарыкамыше, где располагался крупный артиллерийский склад). Таким образом, мусульмане оказались вне дележа вооружения и военного имущества разваливавшегося Кавказского фронта. Поэтому их лидеры были яркими сторонниками тотального разоружения отходивших, и, главное, недружественных мусульманам частей. Начало было положено в самом губернском центре — Елисаветполе, когда провели отбор оружия у солдат 219-го запасного полка, значительная часть которого состояла из армян и русских. Такое соединение, да еще с оружием в руках, в мусульманском центре Закавказья, было крайне нежелательно. Мусульманским лидерам удалось провалить решение о его разоружении и создании собственных частей.

Грузинские лидеры, сидевшие в комиссариате и нацсовете, не хотели расставаться с вооружением и военным имуществом на богатейших тифлиских складах²³ или делиться с кем бы то ни было. Поэтому созрел компромиссный вариант действий: разрешить мусульманскому совету

²³ Как вспоминал Б. Л. Байков, «тифлиские интендантские арсеналы и склады заключали в себе колоссальнейшие запасы оружия, обмундирования, провианта, фуража, всякого снаряжения и т. д., рассчитанные на миллионную армию».

самостоятельно, то есть своими силами отобрать оружие у беспокойных и неподконтрольных Тифлису фронтовых частей, можно даже сказать, угрожавших самому существованию краевой власти. Тем самым грузинские лидеры хотели и привязать к себе мусульман, благодарных за поддержку, и, одновременно, их руками ликвидировать острую угрозу.

Еще одним самостоятельным фактором представляется Гянджа. Если грузинская элита во главе с Жордания опасалась за Тифлис и сохранность своей власти там, то мусульманские лидеры беспокоились о Гяндже. Поэтому нельзя недооценивать консолидирующий для них фактор Гянджи, являвшейся колыбелью татарского (азербайджанского) национального движения. Именно она, а не крупный промышленный и многонациональный город Баку, стала главным центром как национального движения, так и пантюркизма (как центр Елисаветпольской губернии). Именно там возникла Тюркская партия федералистов во главе с Насиб-беком Усубековым, ставшая летом 1917 года составной частью объединенной партии «Мусават»²⁴.

Подчеркнем, что у мусульманских лидеров, часть из которых представляли как раз Елисаветпольский мусульманский совет, были большие опасения в связи с отходом частей. Тем более что власть в губернии и губернском центре фактически контролировались мусульманскими советами и организациями (частенько при помощи местных, говоря современным языком, незаконных вооруженных формирований, составленных из мусульман

губернии). Как пишет известный азербайджанский историк Эльдар Исмаилов, *«во всей Бакинской губернии и в соседней Елисаветпольской губернии... в основном царило безвластие. В центре же Елисаветпольской губернии — Гяндже, власть фактически находилась в руках представителей Мусульманского Национального Комитета»*. Это и понятно, так как в отличие от более пестрой Бакинской губернии здесь подавляющее большинство принадлежало у двум народностям: закавказским татарам (около 56%) и армянам (более 35%). Таким образом, активное большинство здесь было за мусульманами, которые уже взялись за увеличение своего представительства, грабя и сжигая немусульманские селения и убивая их жителей.

Еще одним важным фактором представляется турецкий. Бесспорно, что турецкое командование смотрело на Закавказье, как на важный театр военных действий, поэтому любое ослабление противника было им на руку. Турецкие агенты и эмиссары, действующие там еще с начала войны, снова активизировались. Они всячески способствовали росту протурецких настроений среди местного населения и разложению частей фронта. Хищение разнообразного оружия и убийства солдат происходили на всем протяжении Закавказской железной дороги. Однако наиболее тяжелые последствия для частей имело их недолгое пребывание в Елисаветпольской губернии, где наэлектризованное местное татарское население под воздействием своих лидеров и турецкой агитации смотрело на солдат как на врагов.

²⁴ Мусават, или Тюркская демократическая партия федералистов-мусаватистов — объединенная в июле 1917 г. из двух отдельных мусульманских партий, представляющих Закавказье: 1) Мусульманская демократическая партия «Мусават» (в пер. — Равенство), образованная в 1911 г. в Баку (идеологическая база — панисламизм и пантюркизм); 2) Тюркская партия федералистов, созданная Н. — б. Усубековым в 1917 г. в Гяндже. После Февральской революции главным требованием обеих организаций стало национально-территориальная автономия для Азербайджана в составе России.

F. Roubaud.

Шамхорское побоище

Обсуждение масштабной операции по разоружению отходивших с фронта частей началось в Тифлисе в декабре 1917 года. Впервые этот вопрос был поднят в ходе заседания Закавказского комиссариата 14 декабря, когда обсуждался доклад *«соединенной комиссии по реорганизации армии»*. Один из докладчиков заявил, что *«дисциплина пала; единственно, кто сейчас пользуется влиянием на солдатские массы, это национальные советы — среди своих сородичей. В виду этого национализацию армии надо признать бесспорным принципом»*. Предполагалось организовать новую кавказскую армию из 5 отдельных корпусов. При этом тогдашний комиссар юстиции, грузинский социалист-федералист Шалва Алексеев-Месхиев выразил обеспокоенность в том, что новоиспеченные нацкорпуса будут испытывать острую нехватку оружия, поэтому и *«возбудил вопрос о задержании оружия и инвентаря, увозимых покидающим и фронт солдатами»*. В результате возобладало мнение, поддержанное и военным командованием в лице генерал-майора Левандовского, что *«увозу оружия воспрепятствовать нетрудно. Для этого достаточно поставить небольшие дисциплинированные отряды в тех немногочисленных пунктах, через которые возвращаются с фронта войска»*.

В таком ключе и стал действовать комиссариат вместе с Краевым Советом и при поддержке командования фронтом. Началось все под давлением Мусульманского совета, как уже обсуждалось выше,

с разоружения 219-го запасного полка в Елисаветполе. Причем сразу возникли сложности, которые, однако, не смутили ни краевое правительство, ни лидеров Нацсоветов.

Если военное командование, оперировавшее боевыми единицами, считало нормальным передачу оружия и имущества одного полка другому (в данном случае 219-го запасного — Татарскому конному), отмечая, что остальные распоряжения должны быть сделаны гражданскими властями в лице местного мусульманского комитета, то более реалистичные представители комиссариата, в первую очередь военный комиссар Д. Донской, предчувствовали осложнения. Последний попытался приостановить данное распоряжение, фактически направленное на *«сдачу оружия одной национальностью другой»*, предложив, *«что оружие сдастся без кровопролития только при условии предварительной сдачи его в склад»*. Однако мусульманские лидеры, рвавшиеся к оружию и чувствовавшие поддержку грузинских лидеров (Жордания, Гегечкори, Рамишвили и др.), уже не остановились, что, как мы уже видели, привело к эскалации насилия и всплеску межнациональной розни. При обсуждении случившегося в Елисаветполе приказ о разоружении был назван Донским *«бессознательной провокацией»*. Подобную критику Донскому не забыли, и это стало одной из причин его скорой замены на посту военного и морского комиссара на В. П. Гобечия, который сразу включил-

ся в реализацию решения о разоружении²⁵.

После относительной «удачи» с 219-м полком тифлисские политики закусили удила и запустили процесс массового разоружения частей. Для координации деятельности по формированию нацкорпусов и одновременно разоружению старых, а главное, для контроля за работой военно-морского комиссариата, 22 декабря был создан Межнациональный военный совет (МВС), который возглавил ближайший соратник большого Ноя — Ной Рамишвили. На его рассмотрение комиссариатом и был сразу сброшен непростой вопрос разоружения. Тем более что одновременно с этим решением на том же заседании комиссариата приняли еще один документ — «Положение, внесенное центральным военным национальным мусульманским советом о комплектовании мусульманского корпуса», вкуче с ним разрешили выдать формируемым татарским частям оружие и аммуницию²⁶.

На пленарном заседании МВС (с участием представителей высшего командования фронта, нацсоветов и нацкорпусов) Гобечия предложил разработать конкретный план разоружения и приступить к его постепенной реализации. По свидетельству тогдашнего командира Грузинского корпуса полковника Ахметели, «в принципе на необходимости разоружения настаивали многие...». Дискуссия развернулась только по вопросу реализации разоружения. Из свидетельств участников известно, что «командир русского корпуса полковник Драценко указывал на то, что разоружить без пролития крови уходящие части можно только в том случае, если, во-первых, будет избрана соответствующая позиция для разоружения (теснина, где не-

возможно будет развернуть большие силы), а во-вторых, самый отряд, которому будет поручено выполнение операции, будет настолько многочисленным, что своим видом сделает невозможным мысль о сопротивлении».

Представители военного командования, настроенные скептически к подобным вопросам, провели отдельное совещание в штабе Кавфронта с участием командиров всех новоявленных корпусов (существовавших больше на бумаге), где обсудили наличные силы, которые можно привлечь к операции. В ходе обсуждения выяснилось, что доступных сил не просто недостаточно, их крайне мало: Грузинский корпус мог выставить 250 штыков при 4 пулеметах и конногорный взвод, Армянский — 300 штыков, Мусульманский — 2 эскадрона в 300 шашек при 4 пулеметах, Русский — всего 60 штыков, Отдел военных сообщений — один бронированный поезд. Подобные неутешительные расчеты заставили начальника штаба генерал-майора Лебединского в телеграмме от 3 января предложить МВС следующее: «Признавая совершенную недостаточность помеченного отряда и безусловную необходимость иметь для него резерв, имея в виду вероятность подхода к месту разоружения нескольких эшелонов сразу ... полагаю необходимым до возможности формирования вполне достаточной силы отряда воздержаться от разоружения».

Несмотря на подобное отрицательное заключение по вопросу, так сказать, военную экспертизу, руководство комиссариата, опираясь на МВС, решило ускорить подготовку операции. Ной Рамишвили приказал Ахметели незамедлительно сформировать сводный отряд из 300 чел. с бронепоездом. Начальник оперативно-

²⁵ Показательно, но грузинская элита, думая о будущем самостоятельном планировании, начала с конца 1917 года лоббировать назначение именно этнических грузин на определенные гражданские и военные посты в интересующих их местах. Яркий пример — по требованию как раз комиссара по военным и морским делам Гобечия начальником артиллерии Михайловской крепости (Батумской) был назначен генерал Мухелов (при том, что о непригодности данного генерала к этой должности неоднократно заявлял главнокомандующий Кавфронта ген. — м. Лебединский).

²⁶ Уже на следующий день, то есть 23 декабря, мусульмане получили от комиссариата 1 тыс. винтовок.

Кавказская армия. Танцы кавказских солдат с мечами. 1916

го отделения штаба главкома фронта Готовцев впоследствии свидетельствовал, что Ахметели «протестовал против этого, не считая себя в состоянии осуществить это задание, как начальник гарнизона города Тифлиса. Тогда я поддержал полковника Ахметелова не игнорировать в вопросах рассмотрения боевыми силами таких органов командования, как главнокомандующий и главный начальник округа и предложил все распоряжения провести через последнего». Налицо конфликт между гражданской и военной властью региона, последняя явно не хотела участвовать в авантюрных и провокационных действиях тифлиских и гянджинских политиков. Кроме того, видно и стойкое желание нацлидеров продавить решение о разоружении, несмотря на отсутствие необходимых сил и неготовность командования.

4 января, практически в ответ на заявление Готовцева, в штаб Кавказского военного округа пришла следующая телеграмма МВС: «Главному начальнику Кавк. воен. округа. Межнародный Совет сего числа выслушав заявление председателя Цен-

трального железнодорожного к-та при помощи бронированного поезда приступить к разоружению эшелонов постановил: I — организовать немедленно вр. отряд в составе: 150 корп. отр. Абхазава, 60 русского корп., 50 добровольцев мусульман, 50 арм. корпуса. Передать в распоряжение этого отряда упомянутый бронированный поезд. Полк. Ахметелову предложено оказать содействие, а вас просит спешно распорядиться о снабжении отряда всем видом довольствия и отправке его завтра 5-го сего января вечером или 6-го утром». Трудно не согласиться с выводом Семена Сефа о том, что «уже из этого видно, что Межнародным Советом предпринималась боевая операция, причем обсуждался вопрос лишь о том, как бы посольнее ее обставить».

В тот же день, 4 января, этот вопрос был поставлен и быстро утвержден на заседании Краевого Центра Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов под председательством большого Ноя. Крайне показательное свидетельство товарища председателя солдатской секции Исполкома Совета рабочих и солдат-

ских депутатов Н. А. Еленина. Последний отмечал, что «когда публика устала, было доложено Н. Жордания о том, что Комиссариатом решен вопрос о разоружении эшелонов; вопрос об этом был доложен в столь поспешном и скомканном виде, что никто из присутствовавших не мог высказаться и без прений был поставлен на голосование и большинством голосов был принят, несмотря на то, что члены Военной Секции Исполнительного Комитета голосовали против. После принятия этого вопроса заседание было закрыто. Я и Карцивадзе обратились к Жордания и заявили ему, что такие вопросы, как мобилизация и разоружение солдат могут вызвать крупные беспорядки...». Голос представителей солдатской секции услышан не был. Также ни Жордания, ни кто-то из его окружения не восприняли всерьез тот момент, когда полковник Драценко «категорически протестовал против посылки для разоружения одного бронированного поезда, предсказывая, что это или поведет к боине, во время которой поезд будет взят в плен, или же поезду придется убежать». Во исполнение принятого постановления Крайцентра за подписью Жордания была разослана всем закавказским советам телеграмма, где прямо говорилось, что «краевой центр Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил предложить всем Советам принять меры к отобранию оружия у отходящих частей».

По данным А. П. Стеклова, первоначально операцию разоружения хотели проводить на Карской ветке в районе Санаина под руководством генерала Мдивани, однако нехватка времени и, главное, сил заставила поменять место, тем более что мусульмане пообещали столь необходимую людскую помощь. Еще на этапе обсуждения Мусульманский совет обещал выделить около 1 тыс. человек. Поэтому-то районом разоружения стал участок от Тифлиса до Гянджи. Елисаветпольский совет готов был выделить отряды и получить столь желаемое оружие²⁷.

* * *

Действия сводного отряда (бронепоезд под командованием Андгуладзе и партизанский отряд штаб-ротмистра Абхазавы) начались 5 января, когда начальник бронированного поезда Андгуладзе около 3 часов дня «получил предписание Исп. К-та за № 57 с предложением разоружить эшелон, идущий из Карса в Баку. На словах же прапорщик Мехсиев передал, что штабом Грузинского корпуса приказано разоружить эшелон шедший из Царских Колодцев, что в помощь придается партизанский отряд под командой штаб-ротмистра Абхазавы ... приехал на ст. Тифлис и двинулся около 6 часов утра 6-го января. У Арсенала сели Абхазава с отрядом и мы уехали в Навтлуг. Таким образом в поезде находились: я со своим отрядом до 35 человек без офицеров и Абхазава с четырьмя офицерами и приблизительно с 60 партизанами».

В Навтлуге новоиспеченный отряд застал несколько эшелонов, но видя серьезное расхождение в силах и неудобную местность, прошел на 300 версту, а затем — и до станции Караязы, где и стал поджидать нужный эшелон. Последний появился около 11 часов утра, и в течение 10 минут переговоры, точнее, уговоры солдат были завершены: эшелон, в котором находилось свыше тысячи уставших от войны солдат, согласился выдать оружие и оставил в распоряжение Абхазавы вагоны, где оно находилось. Последний незамедлительно провел перегрузку винтовок в вагон-цейхгауз бронированного поезда. Однако на этом ретивый штаб-ротмистр не остановился, разоруженный эшелон был еще и основательно разграблен. Как вспоминал Андгуладзе, «когда разоружение закончилось, Абхазава усмотрел лишние запасы провианта и фуража у того же эшелона и решил отобрать их. Я ему возразил, что это в наши задачи не входит, что я, как начальник поезда допустить это не могу, на что он предъявил мне имевшееся у него удостоверение, не скажу от кого, так

²⁷ С. Сеф особо подчеркивал, что «Елисаветпольский район — база бекских мусульманских шаек и мусульманских нац. частей, формирующихся, кстати сказать, из того же людского материала».

как не помню, и отметил, что он властен распоряжаться, так как я с отрядом придан к нему, а не он ко мне. ... Абхазава отобрал у эшелона несколько мешков муки, масла, сена и четырех лошадей». Ангуладзе, увидев, во что превращается операция, отказался дальше вести совместные действия с Абхазавой и покинул со своими людьми бронепоезд, который очутился в полном распоряжении последнего.

Абхазава не остался в одиночестве, к нему на станции присоединился командир Татарского конного полка князь Леван Магалов с отрядом в 600 чел. Только что отобранное оружие пошло в дело: часть раздали среди людей Магалова, а часть, по словам очевидца, просто продавалась прямо на месте. После соединения с Магаловым *«вся дальнейшая деятельность Абхазавы протекала совместно и в полном контакте с мусульманским национальным советом и его частями»*.

После общения с Магаловым последние сомнения были отброшены, и в тот же день Абхазава с уверенностью телеграфирует в Тифлис, в комиссариат: *«Наш план такой... У станции Шамхор эшелоны будут встречаться и обезоруживаться. Наличие сил вполне достаточна. В случае если эшелоны вздумают отступить к Тифлису, в Караязах мост будет взорван...»*

В тот же день он переместился на станцию Акстафа (отметим, что это уже была территория Елисаветпольской губернии, так как Караязы находилась в пределах еще Тифлисской губернии), затем под давлением подходивших эшелонов ушел в сторону Елисаветполя, на Шамхор. Тем не менее, его не покидает уверенность в благоприятном исходе операции в связи с обещанием Мусульманского совета о выделении 5 тыс. чел. в его распоряжение. Поэтому в ходе очередного телеграфного разговора с Дворцом 7 января Абхазава на предложение помощи ответил отказом: *«Благодарю, пока не нужно, у меня поддержка пятитысячная мусульманская сила [с] князем Магаловым и доктором Рафибекковым во главе»*. Тогда же Магалов доложил в Тифлис, что против них находятся *«пять эшелонов, 5000 солдат, девять орудий, но они*

из орудий с поезда стрелять не могут. Я... вполне надеюсь на свои силы. Принципиально, если хотите, мы беремся и разоружим их безусловно».

В период с 6-го по 8-е число Абхазава с Магаловым ведут переговоры с представителями эшелонов, число которых уже перевалило за десяток, и к началу боевых столкновений в районе Акстафа–Шамхор скопилось 14 солдатских эшелонов, не считая обычных пассажирских составов. Более того, в Акстафу Абхазава дал телеграмму, где предложил *«впредь до особого уведомления задержать все без исключения поезда»* под предлогом, что путь по направлению к Гяндже заминирован. Представители эшелонов, в свою очередь, настаивали на разоружении броневого поезда и беспрепятственном проезде в Баку. Абхазава, маскируя свои истинные намерения, заявил, что разоружать их никто не будет, а всего лишь надо поодиночке проехать мимо бронепоезда, который не хочет идти в Тифлис мимо всех эшелонов (якобы штабс-ротмистра заботила безопасность и сохранность бронепоезда). Последние, будучи совершенно незаинтересованными в столкновении и желавшими скорее продолжить путь домой, предложили в ответ провести бронепоезд мимо эшелонов, дабы Абхазава смог вернуться обратно в Тифлис, а как гарантию его безопасности — направить к нему на все время движения своих представителей в качестве заложников. Штабс-ротмистр, радея только о получении оружия, такое компромиссное предложение рассматривать отказался. Солдаты в эшелонах, уставшие от войны, стремились домой и воевать совершенно не хотели, о чем неоднократно говорили на переговорах как с Абхазавой, так и впоследствии с Жорданием: *«Упорство броневика только усиливает антагонизм национальный, но и родов оружия. Они только начинают воевать, а нам пролитие крови надоело»*.

К переговорам в связи с ухудшением ситуации подключается и Тифлис. Оттуда по поручению Жордания выезжает делегация Исполкома из представителей ее солдатской секции, а сам Жордания

общается по телеграфу с представителями эшелонов со станции Акстафа. Причем раздраженные задержкой эшелоны берут делегацию в заложники и требуют от тифлиских властей незамедлительного пропуска в сторону Баку без всякого разоружения. Жордания занимает весьма двусмысленную позицию: вступая в переговоры, он не идет на какой-то компромисс, а повторяет условия, озвученные Абхазавой, угрожая при этом в случае несогласия военным столкновением с отрядом. Таким образом, общение Жордания превращает в некий окрик из центра с требованием подчиниться своему уполномоченному лицу, никаким посредником в конфликте грузинский лидер не выступал, скорее, всеми доступными средствами пытался помочь Абхазаве выполнить поставленную перед ним усложнившуюся задачу. Как настаивает С. Сеф, *«материалы следственного дела вскрывают перед нами во всей наготе чрезвычайно неприглядную роль в переговорах с эшелонами не только Абхазавы, но и самих руководителей Зак. Правительства».*

Был момент, когда тифлиские власти чуть не дрогнули: заставило поволноваться их известие о том, что на пути к Шамхору скопилось до полутора десятка эшелонов и солдаты уже в нетерпении. Чтобы подстраховаться, Жордания решил подключить и Баку, попросив и оттуда прислать из пробольшевистского Совета отдельную делегацию, дабы повлиять на солдатскую массу. По запасному варианту, рассматриваемому Тифлисом, предполагалось даже отправить бронепоезд в Баку. Показателен разговор еще одного тифлиского уполномоченного, Канделаки, с Абхазавой, где тот озвучил главные страхи меньшевистских руководителей: *«Вам не уступили и говорят, что на фронте более ста тысяч человек и мы эти эшелоны по частям распределим, а то когда эти эшелоны прибудут — могут уничтожить весь край... Ной Жордания категорически просит ввиду изменившихся обстоятельств, чтобы вы следовали в Баку без столкновения с эшелонами... В Баку придется разоружить броневик и вам остаться там, а брониро-*

ванный поезд порожний заслат в Сураханы и там его спустить с рельс, чтобы двигаться не мог».

В свою очередь, эшелоны, не видя желания Абхазавы договориться, подошли вплотную к бронированному поезду, что заставило запаниковать и бравого штабс-ротмистра. Бывший в ночь с 6 на 7 января на станции Акстафа Абхазавы, оставшийся один на один с солдатами, бросился на телеграф, дабы вызвать на помощь Магалова. Утром 7-го последний получил следующую телеграмму: *«Елисаветполь, командиру Татарского полка князю Магалову. Еду бронированным поездом, позади пять эшелонов солдат, требуют моего разоружения, прошу прибыть [на] вокзал, подробности на месте».* И только встретившись с Магаловым и удостоверившись в подходе мусульманских отрядов, Абхазавы окончательно успокоился и отказался идти на любые уступки. Несмотря на то, что *«эшелоны шли на крупнейшие уступки, соглашаясь проходить мимо броневика, но не в одиночку, а по два эшелона сразу».*

В эти дни проявилось и двусмысленное поведение Жордания как в переговорах, так и в посылке делегации солдатской секции Исполкома. 6 числа, когда в Тифлисе поняли, что запахло жареным, большой Ной был вынужден обратиться к солдатской секции (которая, напомним, голосовала против операции разоружения) с просьбой *«выехать в Агтагля для пропуска эшелонов, которые скопились и не желают сдавать оружие бронированному поезду».* Как вспоминал впоследствии Н. А. Еленин, *«на эту просьбу я ответил: «Ной Николаевич, заварили вы кашу, а расхлебывать приходится мне...» Н. Жордания, соглашаясь с справедливым моим упреком, просил спасти положение, на что я согласился, что постараюсь уладить конфликт при условии не предлагать солдатам сдать оружие. Для выполнения сего поручения я отправил на ст. Агтагля членов комитета: Сивенко, Крупко и Матюхина. К сожалению члены комитета эшелонов на ст. Агтагля не застали ... На следующий день около 12 часов дня Н. Жордания просил меня отправить в Шамхор члена Исполнительного Комите-*

та для пропусков эшелонов в Елисаветполь, так как они встретились с броневиком и, боясь друг друга, не могут разехаться. Назначив делегатами членов Комитета — Крупко, Ломтатидзе и Пыльникова (трех фракций: с. — р., меньшевик и большевик), я предложил Жордания немедленно дать телеграмму в Шамхор о том, чтобы броневик спрятался в тупике в Елисаветполе, а эшелоны делегаты проводят до Баку. Что было сделано Н. Жордания, я не знаю, но результаты авантюры известны всем. К сему считаю необходимым добавить, что Н. Жордания, несмотря на наше условие, чтобы в предписании Крупко было сказано, что он командирован для пропуска эшелонов без разоружения, в предписании этом было написано, чтобы если не удастся отобрать все оружие, то хотя бы часть его, что поставило Крупко в очень тяжелое положение при переговорах с мусульманским комитетом в Елисаветполе».

В ходе переговоров с эшелонами, пришедшими к Акстафе, Жордания вновь пытался маскировать свою организаторскую роль в этом деле и истинную задачу бронепоезда, им же самим и поставленную, сыграв роль незаинтересованного в эскалации посредника. В частности, он заявил солдатским представителям: «Нам сообщили, что вы хотели обезоружить бронированный поезд, высланный из Тифлиса для охраны путей от разбойничьих шаек. Это вызвало бы кровопролитие, ибо бронированный поезд никому не сдастся. Он должен вернуться в Тифлис в целостности и в сохранности. Мы советуем мирно продолжать свой путь, и только под этим условием броневик вас пропустит». Тем не менее, руководящая роль Жордания выплывает и в этом разговоре. «Если откажетесь от плана разоружения броневика мы прикажем командиру бронированного поезда. Если вы принимаете это предложение, тогда немедленно освободите заложников», — заявил он, демонстрируя, что Абхазава у него на коротком поводке. Дабы сломить представителей, он озвучивает и припасенную угрозу: «Мы здесь с трудом удерживали оставшуюся часть отряда. Если завтра ваш конфликт не будет ликвидирован — за последствия не отвечаем. Команда броневика вполне дис-

циплинирована и не может не исполнить нашего боевого приказа. Теперь как хотите. До свидания». И это говорил человек, поставивший Абхазава задачу отобрать оружие и отлично информированный о том, что именно в союзе с подобными разбойничьими шайками он и пытается ее выполнить.

Таким образом, переговоры носили фиктивный, можно сказать, маскировочный характер, так как тифлисские власти желали только одного — оставить армейское оружие в регионе любой ценой. Кроме того, Абхазава с помощью переговоров одержал маленькую тактическую победу — выиграл время для сбора мусульманских банд у Шамхора и их подготовки к отбору оружия, тогда как эшелоны только потеряли время в бесплодном общении.

С. Сеф справедливо настаивает, что именно грузинские меньшевики (Жордания и Рамишвили) являлись «основными вдохновителями и руководителями всей этой операции». Он особо отмечает, что «их руководящая деятельность развернулась главным образом в процессе организации разоружения. Они ее не только подготовили, но все то время, что Абхазава с бронепоездом оперировал на линии жел. дор., периодически давали ему директивы и информировались о ходе операции».

Лишним подтверждением этого тезиса служит тот факт, что 8-го, когда ситуация была близка к критической, в Тифлисе собирается специальное совещание, где, получив известие о пятитысячном мусульманском подкреплении Абхазавы, подтверждается линия на силовой отбор оружия. В Шамхор приходит приказ начальнику партизанского отряда, где главным представляется следующее: «Предложите эшелонам оставить артиллерию и пулеметы и хотя бы половину винтовок и не брать на себя ответственности за тяжелые последствия...» В тот же день происходит последний разговор Тифлисского Дворца с Магаловым, так сказать, уточняюще-закрепляющий:

«Дворец: Нужно ли вам какое-либо подкрепление?»

Магалов: *На ст. Долляр семь эшелонов и на ст. Акстафа три эшелона, эти последние три эшелона подошли сегодня. Ваша помощь выразится в недопущении дальнейшего движения эшелонов из Навтлуга, пока не будут эти разоружены.*

Дворец: *В таком случае рассчитываем сумеете разоружить все эти десять эшелонов...*

Дворец: *... Ждем от вас приятных сообщений».*

После этого общение с эшелонами было прекращено, и им в ультимативной форме предложили разоружиться. Последнюю точку в бесплодных переговорах поставил ответ возмущенных солдат: *«Ваши сегодняшние условия совершенно изменяют прежние, про которые не было ранее переговоров ни с броневиком, ни с центром; орудия и пулеметы солдаты ни за что не согласятся отдать до места своего прибытия».*

Солдаты в эшелонах оказались в безвыходном положении: им не оставили никакого выбора, кроме как прорываться, так как в случае сдачи оружия им никто не гарантировал безопасность в окружении многотысячной мусульманской толпы, точнее говоря, большой банды. Как пишет Стеклов, *«участников банды отправляли на поездах из Елизаветполя и соседних станций».* Вооруженное столкновение стало неизбежным. Тем более что их визави — Магалов с Абхазавой, дабы подстраховаться, еще и разобрали путь между Долляром и Шамхором.

* * *

Первые столкновения произошли еще 8 января, фактически закончив тревожное затишье. Около Акстафы мусульманские отряды-банды напали на эшелон 6-го Кавказского стрелкового полка, который смог отбиться при помощи подошедших солдат 5-го стрелкового.

9-го эшелоны, у которых заканчивалось продовольствие, начали движение к Шамхору. Показательно, что первый

эшелон, состоявший из солдат-украинцев, прошел со всем оружием без проблем и был даже не остановлен, так как еще во время памятного заседания МВС члены фронтовой украинской Рады договорились о беспрепятственном проезде украинских эшелонов. С ними никто в Тифлисе ссориться не хотел.

После чего железнодорожный путь был мгновенно разобран, и движение следующих эшелонов заблокировано. Четкого и ясного описания дальнейших событий не существует, так как заявивших о себе очевидцев крайне мало, либо они не захотели обнародовать свои воспоминания и впечатления. Как описывают члены Краевого Совета Альтман и Иванов, *«2-й, 3-й, 4-й и половина 5-го эшелонов были обезоружены мусульманами и броневым поездом, но когда броневой поезд пытался обезоружить батарею, то последняя произвела по броневому поезду один выстрел, которым и был убит командир бронированного поезда Абхазава и несколько солдат. Вторым выстрелом батареи бронированный поезд был разбит, после этого на станции Шамхор началось побоище, в котором принимали и мусульманский корпус и население. Ранено 200 солдат, число убитых не подсчитано, но во всяком случае убитых большое количество. Мусульмане говорят, что по шоссе лежит много трупов...».* Как уточняет Сеф, *«после смерти Абхазавы только началась настоящая борьба. Вооруженные массы, призванные к полотну железной дороги Елизаветпольским Мусульманским Советом, ...обрушились всей тяжестью на армейские эшелоны. Завязались настоящие бои».*

Итак, остальные эшелоны, отказавшиеся разоружаться, были встречены ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем. Был открыт ответный огонь, и тогда отличился эшелон с артиллеристами, который буквально несколькими выстрелами накрыл бронепоезд Абхазавы, последний, как мы уже знаем, погиб. Это произошло, ориентировочно, в полдень — в районе до 13 часов²⁸.

²⁸ Т.к. в 13 ч. 35 мин. местный телеграф уже отправил сообщение: *«Абхазава нач. бронепоезда убили, помощь дать невозможно, ибо бронированный поезд как говорят разбит и начальник бронепоезда убит на смерть».*

Бой шел несколько часов, но по-
том значительное превосходство в силах
и выгодность позиции склонили победу
на сторону рвавшихся к оружию и гра-
бежу мусульманских банд. Сдача, судя
по свидетельствам очевидцев, случилась
под вечер. Очаговое сопротивление бы-
стро подавлялось, так, например, группа
солдат самоотверженно не подпускала
банды к пассажирскому поезду № 4, сто-
явшему в хвосте эшелонов, до тех пор,
пока не кончились патроны. Часть эшело-
нов была разграблена и сожжена, такая же
участь постигла и поезд № 4, все пасса-
жиры ограблены до нитки, были случаи
изнасилований женщин.

Как вспоминал очевидец событий
Станислав Едиевский:

« Наступила ночь. И в это время совер-
шилось то, чего никто не ожидал. Наши
эшелоны сдались... после того, как раз-
били броневик, шайкам разбойников...
До последнего момента мы не знали, что
передние эшелоны сдаются. Мы все вери-
ли, что «наши» нас защитят. И когда часть
шайки разбойников подошла к наше-
му поезду с требованием отдать оружие,
солдаты нашего поезда отказались подчи-
ниться. Началась стрельба. Те, у кого бы-
ло оружие, вышли из вагонов на насыпь
и стали отстреливаться. Но каково было
тем пассажирам, которые остались в ваго-
нах, женщинам и детям? Кто может пред-
ставить их смятение и ужас? ... Эта была
кошмарная, ужасная ночь.

Когда защитники нашего поезда,
группа самоотверженных солдат, прину-
ждена была сдать оружие, мы потеряли
надежду на спасение. Мы очутились в са-
мом стане разбойников. Нас было около
400 пассажиров. Мы думали, что со сда-
чей оружия все закончится. Но скоро убе-
дились, что словам башибузуков верить
нельзя. Спустя некоторое время, в заднем
вагоне начался крик. Там начался пожар.
Татары подожгли состав поезда, конечно,
с целью грабежа. ...

Среди пламени горящих вагонов на-
чалась паника. Происходило что-то не-
вообразимое. С каждой минутой пожар

в поезде усиливался. Кругом слышалась
стрельба, плач, стон, раздавались крики
о спасении! Люди прыгали через окна ва-
гонов со ступеней на насыпь, толкались:
кто сильнее, шагал по слабым женщинам
и детям. Многие оставили свои пожитки
в вагонах. Многие татары там же около
поезда грабили. Обирали до нитки, сни-
мали сапоги, верхнее платье, не говорю
про ручной багаж и деньги. Беспощадно
грабили солдат. Даже с убитых и раненых
снимали все до рубашки.

До станции Шамхор оставалось вер-
сты три, и мы гурьбой, как стадо, потя-
нулись туда. И по дороге татары грабили
всех, у кого что-либо осталось. А поза-
ди — пожар, валяются трупы убитых, сто-
нут раненые... Многие шли впереди в од-
них рубашках, голодные, ограбленные,
избитые... Состоятельные сделались ни-
щими, здоровые потеряли здоровье, ста-
ли калеками. Только со стороны одних
солдат насчитывались 600 убитых и ране-
ных. »

Нападения на эшелоны начались
и на других станциях Закавказской доро-
ги, задолго до Шамхора. На первой стан-
ции после Пойлинского моста — Шакар-
лы — был ограблен целый эшелон солдат,
которые необдуманно отправились домой,
сдав оружие. 9 числа эшелоны были ата-
кованы на станции Акстафа, и в ответ вы-
нуждены открыть огонь из стрелкового
оружия и артиллерии. В ходе боестолк-
новения там взорвался бак с бензином,
в результате вспыхнул пожар, уничто-
живший много построек как на стан-
ции, так и вокруг нее. Опять потери как
в эшелонах, среди солдат, так в рядах на-
падавших банд. Эшелонам, прошедшим
Акстафу, навязали новый ожесточенный
бой в районе станции Тауз. Как описы-
вает сложившуюся ситуацию Стеклов,
*«на пути к станции Шамхор их движение
приостановилось. Кругом валялись трупы,
все было разграблено и разбито. Горели мост
и железнодорожные составы. Солдаты стали
исправлять разрушенный железнодорожный
путь».*

Вечером в районе Шамхора начался обстрел новой группы подошедших эшелонов. Мусульманские отряды, сконцентрированные вокруг станции совершили нападение на последний эшелон и захватили батарею, однако солдаты с других составов отбили ее.

Следующую группу эшелонов составили стрелковые полки 5-й Кавказской дивизии, которые с боем прошли район разоружения, отбив несколько нападений местных банд. Нападения продолжались и после Шамхора, и даже Елисаветполя, и практически каждое из них сопровождалось потерями среди солдат. К примеру, только во время нападения на крупную станцию Евлах 20-й стрелковый полк указанной дивизии потерял 5 солдат убитыми и 17 ранеными.

Первые сообщения об ожесточенных боях появились 10 января. Например, в тифлисской газете «Кавказское слово» мы находим следующее отчаянное сообщение со станции Шамхор: *«После двух часов сильного оружейного и орудийного боя лежит масса раненых солдат и татар. Разбитый эшелон стоит на станции, и его повально грабят татары. За семафором в сторону Долляр также грабят оставшиеся там воинский и пассажирский № 4 поезда. На просьбу выслать врачебную помощь и мусульманскую делегацию со станции Елисаветполь — отвечают только обещаниями. Положение ниже всякой критики. Раненые, не получая помощи, умирают на глазах. Срочно прошу оказать содействие и выслать паровозы для взятия раненых, ибо паровозы, бывшие здесь во время боя, потеряли машинистов и помощников убитыми и ранеными, там же остались поврежденные. Обратите внимание, окажите помощь. Грозит смерть. Спешите».*

Дополняет жуткую картину после трех дней боев и грабежа свидетельства людей, прибывших к месту трагедии из Тифлиса. Штабс-капитан Устиев, один из тех, кто был делегирован Комиссариатом разбираться с ситуацией, в своем докладе, в частности, писал: *«Когда*

мы подошли к Шамхорскому мосту, видели сердце раздирающее зрелище. На правом полотно стояли пять потерпевших крушение составов — три воинских, один пассажирский и один ...²⁹(не понятно) — вагоны были сожжены и стояли одни железные части; а на левом стоял разбитый бронированный поезд. Валялось масса сожженных трупов солдат и красногвардейцев, некоторые трупы были обуглившись. Далее в ущелье речки валялось изуродованных не одна сотня трупов русских солдат. Все трупы были раздеты и неузнаваемы. От всех ужасов волосы дыбом становились».

* * *

Нападения на эшелоны продолжались до 11 января включительно, после чего в Елисаветполе были проведены новые переговоры между делегацией из Тифлиса, представителями уцелевших эшелонов и лидерами Мусульманского совета. Содержание и перипетии переговоров переданы в докладе председателя Военно-исторической комиссии по участию армян в Мировой войне А. П. Кулебякина, необходимый кусок из которого мы приводим ниже:

« Прибыв на станцию Елисаветполь, делегация встретила начальника татарской туземной дивизии Магалова и других представителей. Собрание открыл князь Магалов, заявив, что события последних дней тяжелы для обеих сторон. Если бы мусульмане были уверены в спокойном прохождении войск, то они пропускали бы их вооруженными. Сафийкуртский наоборот, не был столь миролюбив. Он сказал, что русская армия все время войны издевалась над мусульманами, стреляя иногда по мусульманской папахе, или же их баранте. Теперь, когда мусульмане получили право иметь свою армию, они должны иметь также и оружие. Мусульмане не виноваты, что вынуждены насильственным путем добывать оружие в то время, когда Правительства,

²⁹ Так в тексте.

в лице Комиссариата, не исполняет своих обязательств. «В то время, когда младшие наши братья армяне и грузины вооружены, старший брат Закавказья — мусульмане — не получил оружия». Они тем более имеют право на разоружение проходящих эшелонов, что имеют телеграмму от Краевого Центра за подписью Жордания, который предлагает для вооружения мусульманского корпуса воспользоваться оружием разоружаемых проходящих эшелонов.

Рустамбеков прибавил, что мусульмане могут пойти на уступки, оставив эшелонам половину ружей и взяв себе вторую их половину ружей, артиллерию и пулеметы.

Стрелковский возразил, что признавая справедливым вооружение мусульманского корпуса, он, как председатель комиссии по распределению оружия, принимал и принимает меры, чтобы Мусульманский корпус получил его. Но он не может согласиться на разоружение эшелонов, так как послан Комиссариатом для обеспечения свободного их прохождения. Если имеет место телеграмма, о которой шла речь, то он прямо в лицо Комиссариату назовет подлостью такой образ действия, так как при указанных обстоятельствах, давал ему поручение, Комиссариат должен был поставить его в известность о существовании подобной телеграммы. Однако как бы там ни было, он обещает Мусульманскому корпусу батарею из артиллерийского склада. Если Комиссариат не разделит такой точки зрения, то он, Стрелковский, подаст в отставку и просит ему верить.

Рафибеков старший заявил, что верит слову Стрелковского, но опасается, что Комиссариат может с ним не согласиться. Кроме того, что же они скажут тем тысячам, которые собраны ими со всех уездов, стоят теперь здесь в ожидании обещанных им ружей. Массы могут сказать: «Вы обещали нам много раз и все еще не даете». — Массам надо давать оружие, а не только обещания.

Представители эшелонов — солдаты заявили, что товарищи их не могут согла-

ситься на разоружение, так как не уверены в своей безопасности. Совещанием были приняты меры для ликвидации происшествия безболезненно для обеих сторон. Отмечено было также, что трехдневный бой озлобил эшелоны и без боя они оружия не сдадут. В результате состоялось соглашение, по которому мусульманам передавалась одна полевая батарея с лошадьми и принадлежностями. ... Батарея была передана татарам, и скопившиеся эшелоны пропущены на Баку». Налицо дешевая демагогия со стороны лидеров Мусульманского совета, которые пытались продемонстрировать визитерам из Тифлиса свое миролюбие и полную незаинтересованность в захвате оружия, а только в спокойствии губернии.

По итогам переговоров или соединенного собрания, как указывалось выше, был подписан следующий протокол:

«ПРОТОКОЛ. 1918 года, января 11 дня. Представители эшелонов, Краевого центра и Мусульманского Революционного Комитета, обсудив вопрос об обезоружении эшелонов согласно предписанию Краевого Центра, пришли к следующему соглашению: эшелоны дают одну полевую батарею со всеми принадлежащими ей частями, лошадьми и снарядами. Представитель Краевого Центра капитан Стрелковский дает слово, что Мусульманский корпус получит на днях из тифлисского арсенала одну горную батарею, в противном случае Мусульманский Национальный комитет по отношению будущих эшелонов действует автономно, и ответственность за могущие быть последствия падает на Краевой Центр. Подписали: председатель — полковник князь Магалов и члены: капитан Стрелковский, А. Сафийкюртский, А. Ахвердов и другие подписи. С подлинным верно, в чем подписью и приложением /обществ./ печати удостоверяется 1918 года 12 дня. Председатель Мусульманского Революционного Комитета Мусульманского Национального Совета. >>>

На Кавказском фронте. Эрзинджанские высоты. 1916

Можно зафиксировать, что с 13 января пропуск солдатских эшелонов был возобновлен, о чем член делегации Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов подпоручик Крупко в тот же день доложил в Тифлис: *«Доношу Вам для сведения, что наша делегация находится в г. Елисаветполе. Продвигаться пришлось с боем до города Елисаветполь. Потери большие понесены. Соглашение достигнуто. Эшелоны пропускаются без эксцессов. Пропущено 17 эшелонов. Восстановим железнодорожное сообщение и выедем обратно в Тифлис. Соглашение с железнодорожными служащими, которые отказались нести службу, достигнуто, и они выезжают на свои места...³⁰ путь исправляется»*, — отчитался Крупко. В эти дни в сторону Тифлиса из Баку пытается добраться Шаумян, который 13-го в сопровождении трех человек выезжает из Гянджи. 16 января он смог доехать только до станции Тауз, и лишь 22-го появился в столице края.

Несмотря на подписанное соглашение, попытки разоружения, а проще говоря — нападения с целью грабежа на солдат продолжились и в последующие дни. Например, 14 января в районе Елисаветполя все оружие было отобрано у эшелона Кавказского пограничного артиллерийского дивизиона. Вслед за оружием эшелон ли-

шился всех лошадей, амуниции, обозного и интендантского имущества, походных кухонь, всего продовольствия и фуража. С солдат сняли даже одежду и обувь. Командир 3-й батареи этого дивизиона в рапорте отмечал, что *«около железнодорожных путей станции Елисаветполь лежало около трехсот неубранных трупов солдат ранее разоруженных эшелонов»*.

17 января обезоружили группу солдат на станции Евлах. Отбор оружия происходил и на следующих после Евлаха станциях — Зазалы и Далмамедлы. Один и тот же поезд грабили по несколько раз: останавливали поезд и обыскивали всех пассажиров, отбирали обнаруженное оружие и грабили, затем останавливали на следующей станции и происходило все по отработанной схеме. Отметим, что всё это сопровождалось грабежом как обезоруженных солдат, так и сторонних пассажиров, оказавшихся в том же составе. Иногда грабежи заканчивались банальным убийством солдат. Частенько поезда встречали на станции оглушительной стрельбой, что производило должный психологический эффект и уменьшало желание сопротивления. Можно заметить, что нападения на солдат происходили на всей территории Елисаветпольской губернии и части Бакинской. Необходимо

³⁰ Пропущено в тексте.

На кавказском фронте. 1916

подчеркнуть, что отбор оружия у солдат и их последующий грабёж происходил и в тех случаях, когда они ехали не эшелонами, а небольшими группами в пассажирским поездах.

Б. Л. Байков настаивает, что ряд нападений на эшелоны был произведен в этом районе вообще ночью, что и позволило мусульманским бандам праздновать успех: *«Поезда обычно тем или иным путем останавливались (даже путем подготовленных заранее крушений) и сонные, ничего не понимавшие солдаты расстреливались и ограблялись. В то же время следующие эшелоны, ничего не знавшие о том, что происходит впереди, продвигались вперед и с ними проделывалось то же самое»*. По мнению Стеклова, *«активную роль в натравливании татарского населения на русских солдат играла турецкая агентура, с которой были тесно связаны мусаватисты, возглавлявшие Мусульманский национальный совет»*.

Всего, по подсчетам ряда исследователей, *«в результате кровавых Шамхорских событий революционные солдаты Кавказского фронта потеряли до 2 тысяч убитыми и несколько тысяч ранеными»*, при этом Мусульманский совет, а, главное, мусульманские банды захватили больше 30 пушек, около 100 пулеметов и не менее 12 тысяч винтовок со значительным запасом патронов. Важно отметить, что никакого решения задачи получения оружия для

национальных частей не произошло, так как практически всё отобранное оружие и боеприпасы попали в руки местных шаек и банд, которые фактически были самостоятельны и неподконтрольны Гяндже.

Еще один аспект, на который необходимо обратить внимание и который сыграл свою роль как во время событий, так и, главное, оказал серьезное влияние на развитие ситуации в регионе в дальнейшем — это психологическое и моральное состояние солдат, переживших годы войны, тяжелую окопную жизнь и все сопутствующие этому лишения, но, самое главное, возвращавшихся с фронта живыми и получивших пулю в спину по дороге домой. Именно по дороге домой они получили новую и незапланированную, но совершенно реальную угрозу своей жизни в лице местного населения, на защите которого они, как считалось, и были на фронте. Но тут местное татарское население практически поголовно стало союзником врага, ударив в спину...

Солдаты, уставшие от войны, вынуждены были снова защищать себя и сопутствующее мирное население с оружием в руках. Однако условия боев оказались крайне невыгодны для эшелонов. Они были практически в безвыходном положении, окруженные со всех сторон враждебной массой.

Появившаяся информация о шамхорских событиях, числе погибших среди солдат и мирных граждан стала быстро растекаться по региону, что вызвало тревогу в Тифлисе — среди руководителей Комиссариата и других органов власти и жесточайшую критику их деятельности с разных сторон политического поля. Они же, в свою очередь, всячески старались уйти от ответственности за принятые решения, приведшие к бесспорной трагедии...

Председатель комиссариата Гегечкори обвинил во всем Межнациональный совет во главе с Рамишвили. Его поддержал командир Красной гвардии (впоследствии — Народной) Валико Джугели, который потребовал предать суду виновников. Он также заявил, что операция не напоминала разоружение: *«Многими отмечается печальная в этом отношении роль Абхазавы и его отряда. Это было не разоружение, а разграбление солдат. У несчастных, измученных, тоскующих по дому людей забиралось все вплоть до сапог. Здесь же шел торг. Разбойными бандами продавалось вооружение. Творилось что-то возмутительное».*

Не отставал от закавказских комиссаров и Краевой Центр, который устами Жордания стал обвинять во всем МВС, штаб армии, Елисаветпольский мусульманский совет и лично штаб-ротмистра Абхазаву. В частности, заявлялось, что *«Международный совет стал выступать как совершенно самостоятельная и неответственная организация. Он вышел из узких рамок технических задач и стал заниматься разрешением политических задач. Во главе со-*

вета оказались лица, совершенно не разделявшие взглядов демократии и не считавшиеся с революционной организацией». Досталось и штабу армии, где одним из главных виновников событий был назван Левандовский. Жордания вообще объявил, что телеграмма ошибочно попала в Елисаветполь и ею, дескать, воспользовался Мусульманский национальный совет, который *«совершил преступление, за которое ответит»*, а *«Магалов и Абхазава действовали самостоятельно».*

На заседании Центра, где поднимался этот вопрос, разбирательства между грузинскими деятелями вспыхнули вновь. Ной Рамишвили, присутствовавший там, попытался опровергнуть обвинения в адрес возглавляемого им совета. *«Я протестую также против обвинения совета в шамхорских событиях. Никакого отношения к этим событиям совет не имел, и суд покажет, что это верно»*, — заявил он. В ответ Джугели прямо обвинил Рамишвили во лжи³¹, между ними возникла перепалка, которая чуть-чуть не переросла в драку³².

МВС же в ответ, в специально обнародованном письме, заявил, что *«никакого касательства к выступлению Абхазавы Межнациональный военный совет не имел. Совет только принял резолюцию о разоружении эшелонов, но такая же резолюция была единогласно принята Краевым советом рабочих и солдатских депутатов, и эта же резолюция была санкционирована Закавказским комиссариатом с участием представителей всех революционных организаций».* То есть вся ответственность за трагедию лежит на комиссариате и Краевом центре.

Несмотря на широкий общественный резонанс и жаркие обсуждения в Тифлисе,

³¹ В. Джугели: *«Товарищ Ной Рамишвили имеет к ним некоторое отношение. Лишь за несколько дней до этих печальных событий в разговоре со мной Н. Рамишвили указывал, что «для разоружения самым подходящим он считает отряд Абхазавы».*

³² Финал диалога передан в газете «Слово» за № 22, где напечатана стенограмма интересующего нас заседания:
*«Н. Рамишвили. Джугели — клеветник.
Джугели. А Ной Рамишвили — лжец.
Н. Рамишвили (повторяя). Джугели — клеветник.
Джугели. Прошу прекратить оскорбительные выражения по моему адресу.
Н. Рамишвили. Заявляю, что сказанное Джугели — инсинуация, и что Джугели — клеветник.
Джугели. А вы — подлец и негодяй, и я с вами поступлю, как следует».*

нападения на эшелоны и попытки разоружения не прекратились и во второй половине января. 11 эшелонов, решившие не дожидаться остальных и проскочившие Шамхор вскоре после окончания известных боев, были атакованы мусульманскими отрядами около станции Хачмас, уже за Баку, на подходе к Северному Кавказу. По данным Стеклова, на солдат «было снова совершенно заранее подготовленное вооруженное нападение», и снова — грабежи, раненые и убитые.

Одним из немногих политических деятелей Закавказья, выступивших с осуждением подобных деяний, являлся генерал Андраник. Последний в большом интервью авторитетной газете «Мшак» (номер от 25–26 января 1918 г., № 17, 18) заявил, что «кавказские народы должны относиться к русскому народу с пониманием, принимая во внимание, что от нашествия варваров их защищал русский солдат. Гянджинский инцидент наводит на грустные размышления. Нельзя так относиться к сынам России, проливающим на протяже-

нии трех лет борьбы свою кровь в наших горах. Русский народ ... должен остаться и защищать Кавказ и кавказские народы. На Кавказе должна быть сохранена общероссийская государственность. И если русский солдат покинет Кавказ и уйдет, у кавказских народов не хватит сил отстоять эту идею»³³.

Шамхорские события прямо повлияли на ситуацию во всем регионе, которая скатилась практически к анархии, это касается положения как в сельской местности, так и в крупных городах, таких как Елисаветполь, находившийся рядом с Шамхором. Столкновения татар и армян стали происходить чуть ли не ежедневно с трагическими последствиями для обеих сторон, счет жертв шел уже на десятки. Губернский центр фактически превратился в разделенный город, посреди которого находилась своеобразная линия фронта между татарами и армянами.

33 Более того, в марте 1918 г., после получения известия о заключении Брест-Литовского мира, армянские политики решили повторить грузинский опыт отбора оружия у солдат, возвращавшихся из Персии в Россию проездом через Александрополь. По инициативе Национального Совета и лично А.Хатисяна было собрано совещание из представителей дашнаков, эсеров и социал-демократов, на котором этот вопрос детально и обсуждался. Политики были не против попытать счастья, было даже внесено предложение в случае отказа русских солдат сдать оружие, отобрать его силой. Андраник, находившийся тогда в Александрополе с целью формирования своей дивизии, был приглашен на совещание, где выступил категорически против подобных действий, предвещая их катастрофические последствия. Андраник: «Как же вы могли принять столь смешное и пагубное решение, не думая о о завтрашнем дне? Того солдата, который, доверив нашей дружбе, возвращается домой по территории Армении? И даже собираетесь обезоружить его с применением силы?... Рыть ужасную и непроходимую пропасть между армянским и русским народами. Нет, терпеть такое я не могу, я не могу согласиться с этим! — закричал генерал, ударив кулаком об стол. Кто вы такие, чтобы разоружать русского солдата, выдумав какие-то предлоги? Вон там наш враг, разоружайте его! Татары истребили под Гандзаком возвращавшихся 5000 русских солдат. А остальное хотите завершить вы из-за нескольких ружей? Россия оставила нам огромное количество боеприпасов, продовольствие и обмундирование, мы не нуждаемся в их нескольких ружьях, мы нуждаемся в их дружбе. Если надо разоружать, то пусть разоружает Сейм в Тифлисе, а в Армении подобное не подобает нашему народу, несовместимо с нашим именем, с нашим рыцарским духом и национальным достоинством. Зачем меня позвали сюда? Я не желаю брать на себя даже долю ответственности за пролитую кровь невинных, за вражду между двумя народами... Наш единственный друг — это Россия, а вы своим решением хотите отделить ее от нас».

Его выступление было крайне эмоциональным и произвело эффект, т.к. после него вопрос был закрыт, а предварительное решение по нему признали «страшной ошибкой». Армянские политики, в отличие от соседней по региону, не запятали себя подобными сомнительными «операциями».

Как мы можем увидеть из рапорта начальника Елисаветпольского гарнизона от 13 января 1918 года³⁴, ситуация в губернском центре окончательно вышла из-под контроля властей и местного воинского начальника. Последний доносил главному начальнику Кавказского военного округа, что «в городе полная анархия» и «что настроение жителей в городе Елисаветполе, бывшее все время крайне напряженным, снова начало выливаться в открытую стрельбу между Татарской и Армянской части города». Как он пишет далее, «в городе полная анархия, что подтверждается случаем имевшим место 10 сего января, когда под охраной Комиссара Татарской части проходили солдаты армяне, прибывшие с фронта в количестве сорока человек, и когда они со станции дошли до татарского базара, то на них напали жители и открыли по ним ожесточенную стрельбу, армяне, отстреливаясь, кое-как пробившись в армянскую часть, потеряв большое количество убитых и раненых. Точных потерь, сколько в этот день было убитых и раненых в городе, собрать пока не представляется возможным: Армянский Национальный Комитет исчисляет потери убитыми и ранеными и пропавшими без вести в этот день около 50 человек и из этого количества 12 января было похоронено 12 солдат армян. Того же дня после 8-ми часов вечера шло около 300 человек солдат и жителей армян, на них напали жители татары с целью грабежа, количество убитых, раненых, ограбленных и прорвавшихся в армянскую часть пока не выяснено».

В конце рапорта начальник гарнизона подвел весьма неутешительные выводы и написал крайне пессимистический прогноз: «Как одиночные, так и массовые ограбления стали обычным явлением. С каждым днем положение становится все тревожнее и невыносимее; жители страшно напряжены и стрельба между обеими частями вспыхивает при каждом незначительном случае. Обе стороны имеют окопы, заграждение и т. д., в которых днем и ночью дежурят стрелки

и прибывший вчера благополучно аэроплан был жестоко обстрелян обеими сторонами. Необходимо принятие экстренных мер к успокоению города, иначе, по моему глубокому убеждению, катастрофа в городе неминуема».

Ситуация стала стремительно ухудшаться в разных уголках Закавказья, как в районе Елисаветполя, так и в приграничном с Ираном Карягинском уезде, а также в районе в крупной немецкой колонии Екатеринфельд. Приведем наиболее характерных донесения и письма из перечисленных мест, для того, чтобы картина полного краха фронта и региональной власти стала более полной.

Например, управляющий Карягинским уездом телеграфировал в Тифлис: «20 декабря [в] Карягин[о] из-за подводы между солдатами 6 полка [и] мусульманами произошло вооруженное столкновение, кончившееся убийством уездного Комиссара Те[зу]разбекова [и] нескольк[их] мусульман. 21-тысячной толп[ой] вооруженных мусульман разгромлен милиционный склад оружия, похищено все оружие, патроны, ночью 22 окончательно разгромлены продовольственный склад, военный и Джульфа-Бакинской железной дороги. Взрывом погибло более трехсот человек мусульман, разрушены [и] повреждены масса домов. 22 разгромлены продовольственные учреждения, в том числе Комиссариат и Почтово-Телеграфная контора, из которой [по] заявлению начальника конторы похищены деньгами [и] вещами [на] сумму шестнадцать тысяч 71 рубль, оставшая сумма в размере 38277 рублей до момента разгрома начальником конторы сдана командиру 6 полка, во время разгрома разбит телеграфный аппарат, действие телеграфа [прекращено], поэтому тог[да] же был послан нарочный для подачи Вам телеграммы из Шуши, но телеграм[мы] не были приняты [в] Шуше в виду бездействия телеграфа. [В] уезде создалась полнейшая анархия с прибытием [в] Карягино Губернского Комиссара господина [Зиа]тханова, восстановлено те-

³⁴ Крайне показательно в свете тогдашней обстановки, что получен он был в штабе КВО в Тифлисе только 6 февраля! Хотя при нормальном функционировании коммуникаций и обычной работе железной дороги его могли прочитать в штабе округа уже через день максимум.

леграфное движение, организуется народная милиция в составе 200 человек. [Для] охраны служащих почты [и] розыска имущества принима[ютс]я [все] зависящие меры. Для установления порядка [в] уезде [и] поимки главных виновников события крайне необходима воинская сила, о скорейшей высылке которой убедительно прошу». Сообщая об изложенном убедительно прошу командировать [в] Карягинский уезд воинской силы [о] последующем уведомить Губкомиссара. Малхазов».

Тревожное донесение с пометкой «Весьма срочно» пришло 3 января 1918 года и от Общекавказской краевой продовольственной управы. Последняя сообщала главному начальнику снабжения Кавказской армии (копия была послана в Центроснаб), «что в последние дни со стороны татарского населения окружающего селения Воейково, Михайловку и Татьяновку Караязского участка /со станцией Караязы в центре/ начались массовые вооруженные нападения на местных жителей, сопровождаемые полным разграблением имущества и всех местных продовольственных запасов». Особо обращалось внимание начальника снабжения армии на то важное обстоятельство, «что означенные селения всегда являлись наиболее крупными поставщиками сена для армии, дававшими обычно свыше 30% всей сеной заготовки Закавказья, а в текущем году свыше 80% таковой заготовки и принимая во внимание, что в настоящее время лежит уже на ст. Караязы в спрессованном виде свыше сорока тысяч пудов сена и у местного населения имеется подлежащего сдаче в армию от двухсот до трехсот тысяч пудов рассыпного сена». В конце сообщения шла характерная для того времени и региона настоятельная просьба — «в самом срочном порядке командировать в район Караязы вооруженный отряд необходимой силы». Цель отправки войск также была ясна и понятна: «для охраны крайне необходимых для армии и населения запасов и казенного имущества, доколе таковые запасы и имущество не будут вывезены из означенного района». В противном случае предрекался полный крах заготовки сена для армии в 1918 году: «непринятие тех или иных мер к охране местного населения и продовольственных запасов сделает со-

вершенно невозможной какую-либо заготовку и в 1918 году в означенном районе, являющемся в отношении сена основным фондом закавказской заготовки». Резолюция Центроснаба была принята быстро и стала весьма предсказуемой, хотя, судя по обстановке, мало-реализуемой. В Краевой Совет документ уже 4 января переправили с резолюцией «Центроснаб просит о назначении охраны на указанную станцию».

10 января из Межнационального военного совета при Военно-морском Комиссаре Закавказского Комиссариата было отправлено послание с пометкой «Срочно» начальнику штаба Кавказского военного округа, в котором сообщалось, что «в колонию Екатеринфельд Борчалинского уезда ворвались 200 человек вооруженных татар и заявили, что по приказу комиссара Джафарова они должны остаться в колонии на постой. По наведенным справкам, оказалось, что никакого приказа комиссаром Джафаровым не было дано». Также Межнациональный совет просил незамедлительно принять меры по скорейшему выдворению татар из немецкой колонии. Комиссар Торговли и Промышленности Джафаров подтвердил, что никакого распоряжения не давал и что это самоуправство татар, поэтому требовал от военного командования принять меры к освобождению колонии от посторонних, а также к дальнейшей охране «культурных насаждений удельного ведомства, как национальной собственности».

В начале февраля 1918 года начальник Эриванского отряда (входившего в состав Армянского корпуса) генерал М. М. Силиков прислал тревожную телеграмму в Тифлис (начальник Армянского корпуса генерал Ф. И. Назарбеков переслал ее начштаба фронта, откуда она была незамедлительно переправлена председателю Закавказского комиссариата Е. Гегечкори), где сообщал, что «третьего (февраля — В.М.) между станциями Камарлю — Арарат татарами остановлен пассажирский поезд, ограблены [и] армяне пассажиры, испорчен мост. Четвертого в Улуханлу вырезано 12 армян человек, ограблены воинские вагоны [с] продовольствием».

Командование приходит к весьма логичному выводу, что вся эта массовость и серийность нападений на определенные объекты говорит о четкой организации такого рода действий, то есть это явно не самостоятельные действия местных татар, а они действуют в контакте с турецкими агентами при участии мусульманских и татарских лидеров региона. Об этом говорится в развернутой телеграмме генерала Силикова, отправленной для сведения председателю Закавказского комиссариата (7 февр.): «Сообщаю для сведения копию телеграммы Начальника Эриванского отряда: «события последних дней [в] районе УЛУХАНЛУ, ДОВАЛУ, НОРАШЕНЬ, ШАХТАХТЫ определенно указывают, что нападения мусульман на воинские пассажирские поезда, обстрел последних и наконец разграбление [на] указанных станциях казенных и частных грузов, порча пути включительно до разрушения мостов носят вполне организованный характер и указывают на известный план расстройств транспорта, чтобы помешать перевозкам войск, грузов, направляемых [на] фронт. Так как со стороны служащих на указанной линии очень часто выносятся резолюции и просьбы не ставить охранных армянских частей с угрозой оставить в противном случае свою службу, с другой стороны охрана указанных станций местными татарами приводит только [к] полному беспорядку названной линии, считаю дальнейшее движение [к] югу от станции УЛУХАНЛУ должно окончательно прекратиться. Вызывающее поведение мусульман [в] отношении армянских войск и армян вообще ставит меня [в] положение из которого могу выйти лишь перейдя [к] активным действиям против тех групп, которые нарушили движение транспорта. все расследования по поводу происшедших столкновений определенно указывает на полную корректность армянских частей и одиночных солдат и наоборот на провока-

ционную деятельность безответственных мусульман и некоторое сочувствие последним некоторых железнодорожных служащих».

Таким образом, Шамхор имел многочисленные печальные последствия: помимо огромного количества потерь и озлобления с обеих сторон — как солдат, так и местного населения (вымещавшего свою злобу на оставшемся еще христианском населении или попадавшемся им на дороге, или в пути), — так и сама железная дорога стала совершенно небезопасной и практически перестала функционировать в нормальном режиме. Армянам вообще рекомендовалось не ездить по ней в сторону Тифлиса³⁵. Межнациональные столкновения, которые в начальный период Гражданской войны на Кавказе были неким фоном, стали вспыхивать в новых местах как рядом с дорогой, так и вдали от нее. Их отголоском, а точнее говоря, более жестким продолжением стали печальные события в Баку в марте и в сентябре 1918 года (и это не считая многочисленных самосудов, расстрелов и убийств на самой дороге вдоль полотна, когда совершенно безвинного человека местные банды могли расстрелять только за принадлежность к другой конфессии и нации).

Следовательно, можно выстроить некую связанную цепочку событий, которая идет от одного к другому, под влиянием предыдущих и как следствие их: от решения о насильственном разоружении солдат и Шамхорских событий — к расстрелу в Александровском саду в феврале и мартовским столкновениям и резне в Баку и затем — к сентябрьским погромам (кроме того к резне и уничтожению как армянского и русского, так и мусульманского населения Закавказья). Всё это было следствием недальновидной и совершенно безответственной политики закавказских комиссаров и лидеров национальных сил, раввавшихся к власти в регионе.

³⁵ См. в качестве характерного примера крайне лаконичное «Обращение Бакинского отдела Армянского Национального совета к армянам воздержаться от поездок в направлении Тифлиса» (Баку, 24 февраля 1918 г.): «К сведению граждан-армян. Бакинский отдел Армянского Национального совета предлагает гражданам-армянам в силу происходящих в Елисаветпольской и Бакинской губерниях событий, временно воздержаться от поездок по железной дороге в направлении Тифлиса».

Бескомпромиссная политическая борьба подстегивала рост межнациональных и межконфессиональных столкновений, национальная вражда стала инструментом давления на противную сторону, чем пользовались как меньшевики и мусульмане, так и большевики. Они до крайности раскачали лодку Закавказья, и их действия стали еще одним фактором, не позволившим консолидировать регион перед внешней опасностью в лице турок, которые с февраля 1918 года начали новое широкомасштабное наступление. Регион к этому времени оказался окончательно расколот благодаря местным национальным силам и был не в состоянии выступить единым фронтом (что достаточно быстро и привело к краху).

* * *

Подводя итог этого трагического периода, надо подчеркнуть, что всё говорит о сильном желании руководства Закавказского комиссариата, лидеров Грузинского и Мусульманского советов провести массовое разоружение и не случайности, то есть запланированности столкновений на Закавказской железной дороге и в первую очередь в районе Шамхора. Это совершенно уничтожает регулярно публикуемую версию азербайджанских историков о якобы оборонительных действиях татарских отрядов во главе с князем Магаловым.

В частности, крайне далеким от реальности выглядит рассказ историка из Баку Джамии Гасанлы о том, что *«голодные и раздетые, но вооруженные русские солдаты на всем протяжении пути домой занимались грабежом и разбоем»*. Скорее наоборот, голодными и раздетыми они стали после встречи у Шамхора и других станциях с мусульманскими бандами, которые как раз занимались грабежом и разбоем, в том числе и на железной дороге.

Трагические события под Шамхором бакинский профессор называет *«столкновением русских солдат с правительственными войсками»*. Остается только выяснить, на службе какого правительства были во-

оруженные мусульманские банды, которые длительный период орудовали как на Закавказской железной дороге, так в целом по территории Елисаветпольской губернии? Возможно, турецкого? — поскольку других известных тогда правительств уже не существовало, и у Закавказского комиссариата не было серьезных воинских соединений.

Крайне сомнительна в свете всего вышеизложенного и фраза: *«Закавказский комиссариат справедливо считал, что русское воинство, прибыв в Баку, пополнит военные силы большевиков или как минимум обеспечит их оружием. Поэтому сочли за благо разоружить русские войска...»*. В первую очередь комиссариат боялся, как мы могли увидеть, за себя в Тифлисе, а мусульманский совет опасался как раз за соседнюю Гянджу. Для тотального разоружения «русского воинства» у них не было ни сил, ни средств. Хватило, как мы видим, на отдельные укусы, львиная масса солдат прошла неразоруженной и, соответственно, живой и в собственном обмундировании. Как только запахло жареным и потребовали виновников шамхорской трагедии, комиссариат, краевой центр и прочие структуры мигом забыли о том, кто и за чем давал распоряжение о разоружении.

Также бездоказательным выглядит утверждение Дж. Гасанлы об участии в процессе разоружения армян наряду с грузинами и татарами (азербайджанцами). Как мы видели, в данном процессе в январские дни участвовали Абхазава со своим партизанским отрядом и многочисленные татарские банды. Случаев нападений на солдат Кавфронта и грабежа со стороны армян в Елисаветпольской губернии не зафиксировано.

Весьма странным и далеким от действительности выглядит и характеристика лидеров Мусульманского совета, ставших идеологами и организаторами кровавых событий — отца и сына Рафибековых, Ш. Рустамбекова, А. Сафикурдского и др. — как «миротворцев», которые якобы стали инициаторами *«переговоров с командованием русских войск»*. Кого плодотворный азербайджанский историк имеет

в виду под командованием демобилизованных солдат в эшелонах, только одному ему и известно.

Еще более интересные цифры предлагает нам «миролюбивый» профессор, подводя итоги успешной *«операции по разоружению на железнодорожных станциях»* под руководством князя Магалова. Он задается логичным вопросом — сколько же русских солдат и офицеров погибло в Шамхоре? И сразу же отвечает, что ранее предлагаемые цифры сильно завышены, и всё для того, *«чтобы развернуть репрессии против мусульман»*. Он отвергает все разнообразнейшие данные, предлагаемые ранее авторитетными исследователями (в частности, Т. Свентоховским, Р. Суни, Ф. Казимзаде, Й. Баберовски и др.), и предлагает принять на веру менее кровопролитный итог: *«За все время боев было убито 53 человека, а ранено — 212»*. Занимательная арифметика получается в исполнении бакинского профессора, если вспомнить, что по вышеприведенному донесению одного из офицеров только в районе Елисаветполя вдоль железнодорожных путей лежало около 300 трупов солдат. А что делать с погибшими солдатами в Шамхоре, Акстафе, Таузе, Долляре, Евлахе? Не говоря уже о продолжении нападений на линии Баку–Дербент — в районе Хачмаса, где мусульманские банды опять устроили засаду ехавшим с фронта солдатам.

Поразителен и рассказ Гасанлы о создании документа с потерями, на который он ссылается: *«Однако группа делегатов, направлявшаяся в том же эшелоне из Тифлиса в Екатеринодар на собрание общекавказского продовольственного комитета и состоявшая из представителей разных народов и народностей (в том числе и русских), вместе с руководством эшелона составила документ, озаглавленный «Описание событий, имевших место 9–13 января 1918 г. на участке Акстафа — Аджикубул Закавказской железной дороги»*.

Возникает сразу несколько вопросов.

Первый — какой из эшелонов имеет в виду профессор, если их только к началу действий было полтора десятка и часть из них там и была сожжена «миротворцами» доктора Рафибекова?

Второй — как делегаты могли оказаться в солдатском эшелоне, ехавшим с фронта и, самое главное, не заезжавшим в Тифлис (тем более что Гасанлы упоминает о том, что эшелоны отдавали от столы и пустили в обход на Баку)?

Третий — как быть с тем, что некоторые части забрали тела своих погибших товарищей и довели до Баку?

И четвертый — вся дальнейшая кампания грузинских и мусульманских лидеров по перекалыванию ответственности за Шамхор друг на друга и их неуклюжие попытки успокоить ситуацию позволяют задуматься о цели, задачах и заказчиках данного документа, тем более, озвученного еще и официальным Баку (вероятно, надо было повлиять на общественное мнение, и подобный документ оказался очень кстати).

На эти весьма логичные вопросы Джамиль Гасанлы не ответил ни в одной из своих многочисленных работ, и у него не возникло сомнения в ошибочности своей версии, крайне близкой к современному официозу. Ему уже в какой работе подряд удастся создать иную, далекую от реальности картину как Шамхорских событий, так и всей ситуации в регионе. Таким образом, мы видим сознательную попытку азербайджанского профессора исказить ход и последствия трагических Шамхорских событий, виновники которых заняли высокие правительственные посты в Грузинской и Азербайджанской республиках после объявления их независимости в мае того же 1918-го года.

* * *

Тогда разбор шамхорских событий привел к последнему столкновению с большевиками, лидеры которых во главе с Шаумяном начали кампанию с жесточайшей критикой Закавказского комиссариата и перешли даже к персональной критике и обвинениям — Жордания, Гегечкори, Рамишвили и Чхенкели. Последние обвинялись в организации трагических событий и в последующем соучастии в них.

Отметим, что большевики попытались использовать ситуацию в борьбе за власть и влияние на солдатские массы. Они обрушились с критикой, весьма справедливой в данном случае, на меньшевиков на различных публичных мероприятиях, а также на страницах печати, прежде всего подконтрольной или близкой своей партии.

Первой заметной реакцией стало заявление ВРК Кавказской армии от 14 января, опубликованное на страницах печати за подписью его председателя, большевика Г. Корганова, где отмечалось, что *«Закавказский комиссариат и закавказские оборонческие центры, именуящие себя Краевым центром, осмелились нарушить постановление съезда и против воли русского пролетариата и крестьянства решили обезоружить войска, отходящие на отдых с позиций... Эта политика предательства революции с первых же шагов привела к предательским действиям — преступному нападению и кровавому обезоружению эшелонов войск под Елисаветполем бандами и войсками контрреволюционных офицеров и татарских беков. Сотни убитых, тысячи раненых, истерзанных, обобранных российских солдат — вот первые плоды предательской политики Закавказского комиссариата и оборонческих центров Закавказья...»*. ВРК уполномочил *«своего представителя требовать от Закавказского комиссариата и оборонческих центров Закавказья немедленного прекращения обезоружения революционных войск, расформирования частей и роспуска по домам»*.

Подробному разбору причин трагедии, ее хода и виновников посвящена большая статья Степана Шаумяна в газете «Кавказский рабочий» (№ 25, 2 февраля 1918 г.). Начал он с перечисления виновников произошедшего, первым среди которых был назван Ной Жордания:

« Мы заявляем, что в числе виновников елисаветпольских событий должен быть назван, прежде всего, бывший когда-то вождь кавказской социал-демократии, ныне так называемый «отец грузинской нации» — Ной Николаевич Жордания. Это под его председатель-

ством президиум Краевого центра постановил: разоружить проезжающие эшелоны и вооружать за их счет национальные полки. За его подписью была отправлена телеграмма Елисаветпольскому мусульманскому национальному комитету о разоружении эшелонов, скопившихся около Шамхора. Он, Ной Жордания, посылал делегации из Тифлиса с тем же поручением разоружать эшелоны... Ной Жордания и его всегда не по разуму усердный помощник Н. Рамишвили послали бронированный поезд во главе с Абхазава, который раздавал оружие мусульманам и помогал им расстреливать тысячи солдат и разоружать эшелоны.

Ной Жордания оправдывается тем, что он телеграммы не подписывал. Десятки людей, армян и мусульман, утверждают, что телеграмма подписана им, и эта телеграмма существует. Жордания говорит, что телеграмма без его подписи была отправлена «Советам». Члены Мусульманского национального комитета утверждают, что на телеграмме значится адрес: «Национальным комитетам и всем Советам». Жордания говорит, что он, узнав об осложнениях, по телефону говорил с Абхазава, просил не разоружать насильственно эшелонов и пропустить их... Абхазава убит. Это заявление не может быть проверено, но мы допускаем, что разговор был.

Мы знаем еще, что 9 января утром была получена в Елисаветполе телеграмма на имя начальника бронированного поезда Абхазава и на имя начальника Мусульманской дикой дивизии кн. Магалова, большая двусмысленная телеграмма начальника штаба Мдивани, подписанная комиссаром фронта Гобечия о том, что «весною «несомненно» турки начнут наступление на Кавказ, и что необходимо разоружать эшелоны, чтобы иметь здесь орудия». И в конце этой телеграммы тоже говорилось, что генерал не настаивает на насильственном разоружении. »

Шаумян умело уходит от ответного обвинения в натравливании населения на своего политического противника.

Лидер закавказских большевиков подчеркивает, что «не о личной ответственности и не о личном оправдании идет речь. Мы уже слышали крики о «провокации», о «натравливании» на Жордания и пр. Авторы возмутительнейших провокационных дел, меньшевики, всегда кричат о провокации, когда их обвиняют в преступлении. Жордания интересует нас в данном случае не как личность, а как вождь партии, делающий политику в Закавказье, как наиболее авторитетный и ответственный представитель закавказской власти. Он делал свое преступное дело, во-первых, по постановлению президиума Краевого центра, с ведома Закавказского комиссариата. Обвинение, которое мы бросаем в лицо Жордания, распространяется на всю партию меньшевиков, на Краевой центр, на Закавказский комиссариат, где господа Чхенкели и Гегечкори в тесном и открытом блоке с мусульманскими беками и ханами делают все для того, чтобы погубить революцию. Мы говорим о Жордания и Рамишвили, поскольку их имена связаны с телеграммами, с приказами, «отправкой» разбойничьего бронированного поезда; с них должно быть начато следствие для выяснения истины». Таким образом, по мнению Шаумяна, основными лицами, несущими ответственность за трагические события, являются Жордания, Рамишвили, Чхенкели и Гегечкори.

Помимо грузинских меньшевиков в числе виновников он справедливо называет и лидеров Елисаветпольского мусульманского комитета, которые являются соорганизаторами Шамхорского побоища, а также и ряда других нападений на железнодорожных станциях губернии. Он подчеркивает в своей статье:

«**Есть еще имена, которые должны быть названы, есть еще одно гнездо преступников, которое должно быть сметено. Это гнездо — Мусульманский национальный комитет в Елисаветполе, сплошь состоящий из реакционных беков и ханов. Адиль-хан Зиатханов (из бывших владетельных ханов Елисаветполя, которого кое-кто и сейчас мечтает восстановить в старинных правах), Шафи**

бек Рустамбеков (помощник Хасмамедова, комиссара по государственному контролю в закавказском правительстве), Аслан бек Сафикюрдский (состоял в эсерах, но последние 4 месяца тому назад, устыдившись, исключили его из партии), Худат бек Рафибеков, Насиб бек Усубеков, Алекпер бек Хасмамедов (брат комиссара, из организаторов армянско-татарской резни в 1905 году), полковник Эфендиев, ротмистр Улуббиев — вот тот состав Елисаветпольского мусульманского комитета, который 7 января, вечером, основываясь на телеграмме Жордания, постановил разоружить эшелоны «во что бы то ни стало» и с невероятным бесстыдством и кровожадностью выполнил свое постановление 9–12 января.

Меньшевистская пресса, говоря о елисаветпольских событиях, изображает дело так, будто это было обычное для Закавказья «разбойничье» нападение на железную дорогу... Не разбойники, а тысячи мирного населения мусульман, руководимых богатой добычей, уверенных в том, что это делается по приказанию закавказских властей, совершили преступное дело у Шамхора и Далляра. Мусульманский национальный комитет открыто стягивал в Елисаветполь тысячи мусульман, вооружал их, сажал в поезда на ст. Елисаветполь и направлял в Шамхор. Во главе этих масс стояли Аслан бек Сафикюрдский, доктор Худат бек Рустамбеков, сопровождаемые студентами, гимназистами, и с ружьями в руках непосредственно руководили военными действиями против русских солдат. И когда «победа» была одержана, по словам очевидцев, верхом на пушке, отобранной у «врага», торжественно въехал в город «эсер» Сафикюрдский, сопровождаемый другими героями из Мусульманского комитета. »

Особо в статье выделен Акакий Чхенкели, который, по оценке Шаумяна, «особые заслуги имеет во всей истории». Как подчеркивал последний, «во время первого «разбойничьего» нападения, в середине декабря 1917 года, на железной дороге, около Елисаветполя, когда армейский съезд послал войска

для восстановления порядка, Чхенкели вернул их обратно и раздал привезенные с собой тысячу винтовок «разбойникам», чтобы они охраняли порядок».

Шаумян приводит еще пару факторов, приведших к трагическим событиям, понятно, что в рамках своей идеологической парадигмы: *«Мусульманскому дворянству нужно было, с одной стороны, отвлечь внимание восставших крестьян и приостановить разразившееся аграрное движение и, с другой стороны, нужно было поскорее добыть оружие, создать свои реакционные полки и объявить свое Азербайджанское ханство. Таков политический смысл елисаветпольских событий»*. Кроме того, большевистский лидер подчеркивает и межнациональный аспект кровавых событий, считая, что все это *«является одновременно подготовкой армяно-татарской резни»*, приводя в пример случаи подобной эскалации в Елисаветполе и окрестностях.

Бесспорно, что лидер кавказских большевиков попытался воспользоваться ошибками своих противников и дискредитировать их в глазах населения региона, подорвав к ним доверие. Он справедливо подчеркивал ответственность лидеров за трагедию и хотел раскрутить это дело в свою пользу. Отчасти у него это получилось, но на территории Тифлисской и Кутаисских губерний поддержка грузинских меньшевиков была значительной, и симпатии большого процента населения были на их стороне. Также как и на территории Елисаветпольской губернии ситуация складывалась не в пользу большевистской партии, а наоборот, подавляющее число жителей поддерживало мусульманских лидеров.

Шаумян вскоре после трагических событий прибыл в Тифлис и попытался сплотить вокруг себя все недовольные комиссариатом и Краевым центром силы. Было организовано отдельное изда-

ние для пропаганды его деятельности как комиссара СНК — «Кавказский вестник Совета Народных Комиссаров», первый номер которого появился 31 января. Там в специальном обращении «Ко всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ко всем рабочим солдатам и крестьянам Кавказа» Шаумян призывал всех признать в качестве центральной власти СНК во главе с Лениным и создать *«здесь интернациональное Рабоче-крестьянское правительство»*.

Одновременно он стал выступать на различных рабочих собраниях с жесткой критикой политики комиссариата (например, 25 января — с докладом «О контрреволюции и революции в Закавказье» на собрании рабочих Закавказских железнодорожных мастерских; 30 января — на общем собрании уже рабочих и служащих Главных мастерских Закавказской железной дороги). По итогам обоих собраний по его инициативе были приняты резолюции, осуждавшие деятельность комиссариата. Последний, видя явную угрозу своей власти в лице Шаумяна, потребовал от него в 24 часа покинуть Тифлис. Вскоре после начала работы Закавказского Сейма он вынужден был уехать в Баку, куда прибыл вместе с очередными солдатскими эшелонами. В начале февраля была разгромлена типография главного рупора большевиков — газеты «Кавказский рабочий», а ее издание прекращено.

Тем самым к февралю 1918 года можно говорить о заметном снижении влияния большевиков в Тифлисе, что окончательно было зафиксировано в начале работы Закавказского Сейма, в котором последние отказались участвовать. К весне происходит окончательное смещение их деятельности в сторону Баку, туда мигрировали все большевистские лидеры и поддерживавшие их части.

Р. Зоммерт

Краевая власть перед лицом катастрофы (февраль — май 1918 г.).

Закавказский комиссариат с момента своего создания декларировал свой временный характер, ожидая решений Учредительного собрания, выборы в которое прошли в декабре 1917 года (в них по Закавказскому округу приняло участие 15 партий). Они продемонстрировали только очаговую поддержку большевиков при значительном доверии населения к эсерам, меньшевикам, «Мусавату» и «Дашнакцутюну» по региону в целом. Несмотря на относительную победу в Баку, где большевики получили 20% голосов всех жителей и более 70% солдат гарнизона, всего по округу они заработали только 4,4%, тогда как социал-революционеры — 16,9%, а меньшевики — свыше 5%.

Однако надежда на Учредительное собрание себя не оправдала. Разгон последнего в Петрограде большевиками, не хотевшими отдавать власть, окончательно подтолкнул Тифлис к активным действиям.

В феврале 1918 года члены разогнанного собрания от Закавказского края образовали в Тифлисе Закавказский Сейм, который сменил у руля управления комиссариат. В резолюции, принятой в начале 1918 года на заседании Краевого центра Советов, говорилось по поводу этого органа следующее: *«Жизненные интересы края требуют в ближайшие дни созыва собрания депутатов, выбранных в Учредительное собрание от Закавказья и Кавказского фронта, которое и должно в первую очередь создать сильную авторитетную власть способную поддержать в стране революционный порядок и провести в жизнь назревшие рефор-*

мы». Предполагалось, что именно такой властью и станет открывшийся 10 февраля 1918 года Закавказский Сейм, в состав которого вошли депутаты Учредительного собрания от Закавказья, а также представители всех региональных партий. Организаторы Сейма еще 16 января предложили большевистским организациям региона прислать своих делегатов для участия в его заседаниях, но получили отказ.

В результате Сейм в лице 125 депутатов достаточно репрезентативно отражал расстановку сил в регионе и демонстрировал значительное влияние трех ведущих партий: грузинских меньшевиков (32 депутата), «Мусавата» с примкнувшей к ней беспартийной мусульманской группой (30 депутатов), дашнаков (27 депутатов). Остальные партии должны были удовлетвориться гораздо меньшим представительством: Мусульманский социалистический блок — 7 мест, «Иттихад» («Мусульманство в России») — 3, «Гуммет» — 4, а также эсеры, национал-демократы и армянская партия народной свободы. Председателем Сейма был избран представитель меньшевистской фракции — Николай Чхеидзе, а главой правительства — Евгений Гегечкори, бывший главой комиссариата. Создание Сейма, на основах разогнанного в Петрограде Всероссийского собрания, стало первым серьезным шагом в сторону отделения Закавказья от Советской в тот момент России.

«10 февраля 1918 г. в Тифлисе, в городском театре, открылся Закавказский сейм. все места для зрителей — балконы, ложи, гале-

рея — были битком набиты. Кругом театра толпилась огромная толпа несчастливцев, которым не удалось добыть билетов на право входа. В партер уже отведенный для депутатов Сейма едва набралось 50–60 человек. На лицо были почти все меньшевики, дашнакцаны и некоторые только представители мусульманских партий; вся почти фракция мусульман-националистов «Мусават», составлявшая почти одну треть всего Сейма, отсутствовала. Делегаты партии Мусават были заняты на местах и не спешили в Сейм к его открытию», — рассказывает современник тех событий С.Хейфец. Причина отсутствия представителей этой партии оказалась весьма простой. Как уточняет Хейфец, «партия «Мусават» состояла из крупных мусульманских землевладельцев, ханов, беков, мулл, видных врачей и адвокатов националистического пошиба. Партия эта хотела использовать положение в целях присоединения Елизаветпольской губернии к Турции. Момент оказался подходящим. Положение в Турции где царил Энвер-паша казалось благодаря союзу с немцами прочным и политический строй Турции гарантировал ханам и бекам сохранность их поместий. Депутаты Мусавата ко времени открытия Сейма были заняты на местах работой по подготовке присоединения Азербайджана к Турции и не могли приехать в Тифлис».

Очевидно, что плодотворного сотрудничества между ведущими политическими партиями региона возникнуть не могло. Горячие споры возникали по самым мелким вопросам организационного характера, что не могло не сказаться на работе Сейма, быстро превратив его в профаназию. Например, в противовес грузинскому председателю Сейма Чхеидзе, представители «Мусавата» провели свою кандидатуру на пост секретаря президиума — Али-хана Кантемирова, естественно, не по причине его пригодности к этому административному посту, а только, чтобы препятствовать росту влияния грузинской фракции.

Наиболее остро в регионе стояли два вопроса: аграрный и национальный — которые требовали незамедлительного вмешательства Сейма и сформированного

им правительства. Однако члены Сейма не смогли не то что решить, но даже продвинуться по пути решения этих жизненных вопросов. Важно отметить, что даже те немногочисленные решения, которые удалось принять Сейму, оказались нереализованными. Не являлся исключением и принятый весной 1918 года «Закон об определении нормы земли, оставляемой владельцам, и о мерах к осуществлению земельной реформы». Как метко высказался С.Хейфец, «декларированный закон в жизнь не проводился, так как из закавказских правителей одни не были в силах, а другие не хотели провести его в жизнь. Вследствие этого полоса аграрных волнений пошла сильнее...».

Сейм вынужден был констатировать участившиеся случаи межнациональных столкновений, однако выезды сформированных из различных фракций комиссий практически не влияли на ситуацию в регионе, продолжавшую ухудшаться. Тем более, что представители всех крупных политических партий прямо или косвенно подогревали это взрывоопасное действо. Считается, что представители «Мусавата» способствовали разжиганию межнациональной и религиозной вражды для организации вмешательства Турции под соусом защиты притесняемого мусульманского населения. С другой стороны, лидеры дашнаков не препятствовали расправам армянских частей над местными мусульманами, оправдываясь тем, что последние блокируют движение воинских эшелонов по железной дороге и армянским частям с боем приходится пробиваться. Известия о столкновениях между представителями двух конфессий стали поступать с разных районов Южного Кавказа — из Эриванской губернии и Карской области, из Закавказского округа и Елизаветпольской губернии, из Ахалцихского, Ахалкалакского и Борчалинского уездов Тифлисской губернии и т.д. Закавказское правительство оказалось не в состоянии контролировать ситуацию в крае, стремительно скатывавшегося в пучину анархии и межнациональной розни. Новая власть была беспомощна

перед захлестнувшей Закавказье волной вражды и насилия, а также перед возродившейся внешней угрозой в лице турок.

* * *

В начале декабря 1917 года турецкое командование в связи с проходившими в то время переговорами между Советской Россией и странами австро-германского блока, предложила Закавказскому правительству заключить перемирие. Договор был подписан 5 декабря в Эрзинджане. Затишье на фронте длилось до середины января 1918 года, когда турецкий командующий Вехиб-паша от имени Энвера-паши предложил Закавказскому комиссариату начать переговоры о заключении мира. Турки рассчитывали заключением выгодного сепаратного мирного договора на Кавказе поставить Брестскую конференцию перед совершившимся фактом. Разложение Кавказской армии заставило комиссариат согласиться на это предложение.

Одновременно турецкие войска, нарушив условия перемирия под предлогом защиты мирного мусульманского населения, перешли в наступление. Турки решили воспользоваться развалом Кавказского фронта, раздробленностью и слабостью Закавказья, дабы компенсировать себе многие территориальные потери в предыдущие годы войны. Кроме того, череда военных поражений и глубокий социально-экономический кризис привел к серьезному всплеску недовольства в самой Турции, поэтому успешный поход на Кавказ должен был поднять дух армии и воодушевить население. Один из участ-

ников турецкого наступления на Кавказ полковник И. Беркук писал, что турки *«потеряли много обширных и ценных территорий. Как в результате этих потерь, так и под влиянием усталости и апатии всех охватила нерадивость и безнадежность. Такое положение было настолько опасным и пагубным, что могло привести наши силы к разложению и катастрофе. Кавказский поход частично облегал это положение, армия снова воодушевилась. У всех стали появляться надежды на возможность осуществления национальных чаяний»*³⁶.

К 1918 году русские войска в большинстве своем были уже эвакуированы, и их место заняли части 1-го Армянского корпуса, находившегося еще в стадии формирования. За два месяца стремительного продвижения турки вышли к государственной границе России 1914 года. Разрозненные армянские части отошли аж к Сарыкамышу, прикрывавшему важное Карское направление. В этой ситуации, стремительно приближавшейся к катастрофе, комиссариат поспешил 19 февраля еще раз подтвердить согласие на переговоры, предложив в качестве места их проведения Трапезунд. Делегация на конференцию во главе с Акакием Чхенкели была сформирована Закавказским Сеймом из представителей парламентских фракций трех закавказских национальностей. Переговоры предполагалось вести на условиях восстановления границ 1914 года и права Турецкой Армении на автономию.

3 марта 1918 года большевики подписали Брест-Литовский мирный договор, по которому Ардаган, Карс и Батум отходили к Турции. Закавказское правительство, ранее отклонившее пригла-

³⁶ На Кавказском направлении турки смогли выставить 5 дивизий, не считая разрозненных курдских отрядов, которые активно занимались партизанской деятельностью и простым грабежом в тылу противника. По различным подсчетам, Вехиб-паша сосредоточил под своим командованием до 50 тыс. человек с 160 орудиями. Советский историк Е. К. Саркисян отмечает, что «силы турок накануне наступления состояли из остатков разбитых русскими войсками в 1914–1917 гг. 3 и 2-й армий. 3-я армия стояла западнее Эрзинджана, между Тиреболу и Кемахом. Несмотря на то, что положение турецких войск на других фронтах было в это время буквально катастрофическим, турецкое командование, ради осуществления своих захватнических планов в отношении Закавказья, продолжало усиливать 3-ю армию. К ней были присоединены остатки 2-й армии — 5-я и 21-я дивизии, сведенные в 4-й Кавказский корпус, стоявший северо-восточнее Диарбекира. Следует отметить, что ввиду затишья на этом фронте, продолжавшегося почти целый год, турецкие войска сумели несколько оправиться от нанесенных им ранее поражений».

шение турок участвовать в Брестской конференции, естественно, отказалось признать условия этого мирного договора. «Мы не унизимся до подписания позорного мира», — с пафосом заявил Ной Жордания на заседании Сейма. Но, получив от турецкого командующего радиogramму с требованием эвакуации означенных областей, Сейм, уже отославший свою представительную делегацию в Трапезунд, оказался в глупом положении.

Начавшиеся 14 марта 1918 года в Трапезунде переговоры не привели к скорому миру. Через неделю после открытия конференции глава турецкой делегации Рауф-бей потребовал признать условия Брестского мира, заявив при этом, что сама закавказская делегация не может быть тем юридическим лицом, с которым надо вести переговоры, так как Закавказье не объявило о своей независимости. Тем временем турки значительно продвинулись вперед, отбросив армянские части к Карсу и выйдя к Батуму, что позволило им повторить в ультимативной форме свое требование о признании Брестского мира.

Мусульманская часть делегации приложила все усилия к тому, чтобы убедить грузин пойти на уступки. На заседании 7 апреля 1918 года член Закавказской делегации Мехтиев потребовал принять турецкое предложение, угрожая, что в противном случае мусульмане откажутся от дальнейшего участия в переговорах. Хасмамедов же предложил сделать одно исключение из перечня территорий, уступаемых Турции. Он считал жизненно необходимым, с экономической точки зрения сохранить Батум. Однако давление турок не ослабевало, что заставило закавказскую делегацию заявить о признании Брест-Литовского договора как основы для дальнейших переговоров.

По свидетельству современников, мусульманская партия явно готовилась объявить присоединение Азербайджана к Турции. По словам Хейфеца, «агитация за присоединение к Турции шла широкая. Мусульманское духовенство работало во всю. Во главе движения стояли те же мусавати-

сты, которые состояли членами Закавказского Сейма. Член Сейма доктор Султанов в турецкой офицерской форме открыто разъезжал и вел агитацию в пользу присоединения Азербайджана. Представители мусават в Тифлисе в самом дворце в двух шагах от залы заседания Сейма в своей фракционной комнате принимали переодетых турецких эмиссаров». Однако мусаватистов ждало разочарование. На Трапезундской конференции предложение представителя мусаватской партии о полном присоединении мусульманской части Южного Кавказа к Турции было отвергнуто. Глава турецкой делегации Рауф-бей и командующий Кавказским фронтом Вехиб-паша ответили, что большая политика Турции требует, чтобы Азербайджан не отделялся от остальных народностей Южного Кавказа, а сохранил общую с ними государственную форму в виде конфедерации, оставляя за собой известную самостоятельность.

Между тем Закавказский Сейм, обсудив 13 апреля ультиматум турок, решил отозвать делегацию с переговоров и объявить Закавказье на военном положении. От мусульманской фракции выступил Рустамбеков, заявивший, что «не беря на себя ответственность за продолжение войны с Турцией и считая ее чреватой тяжкими последствиями для всей Закавказской демократии при создавшихся условиях внутренней жизни края фракция партии «Мусават», группа беспартийных и партия «Мусульманство в России» — «Иттихад», имея в виду, что вопрос о продолжении войны руководящими партиями разрешен в положительном смысле, заявляют что со своей стороны всеми доступными средствами окажут возможное содействие другим народам Закавказья в этой ответственной задаче и примут все меры к благоприятной ликвидации войны». Фракция мусульман большие надежды возлагала на оставшихся в Трапезунде после закрытия конференции своих представителей, которые, воспользовавшись приездом Энвер-паши, начали вести самостоятельные переговоры с турецким правительством.

Тем временем, турки, после короткой передышки, с приблизительной чис-

ленностью в 25 тыс. солдат снова пошли вперед. На этот раз оборона Закавказья была поделена между солдатами Грузинского и Армянского корпусов. Грузинский корпус (от 10 до 15 тыс. чел.) под командованием генерала В. Д. Габаева прикрывал приморское направление, занимая линию фронта от Батума до Олты. Дальше же — то есть линию Сарыкамыш-Каракилис-Игдыр — защищали уже подразделения Армянского корпуса под командованием генерала Ф. И. Назарбекова численностью около 15 тыс. бойцов.

Начав 5 апреля новое наступление, турки заняли Сарыкамыш, и отбросили армянские части к Карсу. Одновременно продвигаясь вдоль берега Черного моря, они, отодвинув грузин, 7 апреля вышли к Батуму. Необходимо сразу обратить внимание на одно важное обстоятельство: несмотря на то, что оба национальные корпуса формировались в рамках единой Кавказской армии и имели единое командование в лице Закавказского правительства, их боевые действия никто не согласовывал. Они, находясь рядом, можно сказать, плечом к плечу, вынуждены были действовать обособленно и полностью самостоятельно, совершенно не оглядываясь на соседа. Это стало одной из главных причин неудач на фронте и новых территориальных потерь для Сейма.

Кроме того, на ход военных действий и, соответственно, настрой оборонявшихся частей негативно влияло отсутствие единого руководства и единой позиции в переговорах с турками. С одной стороны, делегация федерации под воздействием панических известий о стремительном приближении турецких войск заявляет 10 апреля о принятии условий Брестского мира и в ответ на требование Вехиб-паши 13 апреля телеграфирует в Батум о необходимости сдать город туркам. Однако председатель Закавказского правительства Е. Гегечкори в тот же день говорит о важности стойкого сопротивления захватчику. Он на заседании Сейма уверенно заявляет, что «*оборона Батума поставлена на надлежащую высоту*». Грузинские войска, коих обороняло крепость до 10 тысяч при

почти 100 орудиях, были явно задержаны и дезорганизованы подобными противоречивыми указаниями, поступавшими чуть ли не каждый апрельский день. Стойкое желание сражаться у них тоже отсутствовало. Еще 9 апреля они оставили господствующую над батумскими позициями гору Эрге, что фактически предредило падение этой мощной крепости. В ночь на 15 апреля после нескольких атак турки занял стратегически важную крепость, захватив при этом огромное количество стрелкового оружия, артиллерийских орудий, боеприпасов и различного военного имущества. все это говорит о том, что оборонявшиеся грузинские части явно не использовали весь имевшийся у них арсенал и не готовились к длительной осаде.

В общем, обстановка на фронте далеко не соответствовала воинственному настроению Сейма, так как уже после потери Батума, аналогичная опасность стала грозить и Карсу, к которому успешно продвигались турки. Закавказское правительство вынуждено было 22 апреля возобновить переговоры с Турцией. В этот же день Сейм объявил о своей независимости, выполнив, тем самым, основное требование турецкой стороны. Общую позицию депутатов Сейма выразил в своем выступлении перед этим судьбоносным голосованием меньшевик Д. Ониашвили: *«Перед народами Закавказья создается такое трагическое положение: или объявить Закавказье в настоящее время нераздельной частью России и, таким образом, повторить все ужасы гражданской войны России и здесь и затем сделаться ареной иноземного нашествия, в данном случае нашествия турецкого, или же провозгласить свою независимость и собственными силами защитить физическое существование целого края... Единственным исходом является немедленное провозглашение политической самостоятельности...»*. Закавказье было объявлено «независимой федеративной республикой», которую возглавило коалиционное правительство из представителей грузинских меньшевиков, дашнаков и мусаватистов, под председательством Акакия Чхенкели.

Провозглашение независимости Закавказья развязало руки туркам, которые на возобновившихся 11 мая переговорах в Батуме заявили, что действие Брест-Литовского мирного договора больше не распространяется на независимое Закавказье. Они по-прежнему придерживались тактики затягивания переговоров и выдвигали все новые и новые требования, тогда как их воинские части продолжали наступление вглубь Закавказья. Грузины, практически не задерживаясь, очистили всю территорию Батумского округа и отошли на территорию Кутаисской и Тифлисской губерний. Они попытались задержать продвижение врага около уездного центра Озургети в Кутаисской губернии и около Ахалциха (уездный город Тифлисской губернии). Турки же, разбив армянские отряды, взяли Карс и Александрополь, после чего беспрепятственно заняли Ахалкалакский уезд Тифлисской губернии и подошли к Ахалциху.

Крепость Карс была сдана также бездарно и без борьбы, как и Батум. Хорошие укрепления, большие запасы боеприпасов и продовольствия и наличие сильного гарнизона в 6 тыс. солдат (из Армянского корпуса) позволяли защищать одну из лучших закавказских крепостей на протяжении длительного периода, однако 12 апреля она была сдана турецким войскам без боя. Утром передовые части Кязым Карабекир-паши подошли к фортам

Карса, и уже вечером они вошли в город без всякого сопротивления. И здесь роковую роль сыграла паника в рядах Закавказского правительства, которое вынуждено было в ответ на турецкий ультиматум прислать распоряжение командованию о сдаче крепости³⁷.

Турки затем взяли Ахалцих и Озургети, а грузинским частям пришлось отойти к Боржому, откуда уже рукой подать до самого Тифлиса. Именно там, на этой предпоследней позиции, их и застало окончательное перемирие с турками.

Грузины смогли только при реке Чолок задержать турецкое наступление, нанеся противнику поражение и заставив понести чувствительные потери (только убитыми турки потеряли более 1,5 тысячи солдат). Однако наступление на этом не остановилось, и грузинам пришлось откатиться аж до Боржому. Отметим, что турки действовали очень последовательно и фактически захватили всю мусульманскую часть Грузии — от Аджарии (то есть Батума) до Боржомского ущелья. Армянским отрядам после нескольких неудач удалось нанести чувствительные контрудары под Караклисом и в районе Сардабада, но переломить ситуацию на фронте в свою пользу им было не под силу. Угроза захвата нависла как над Эриванью, так и над Тифлисом.

Помимо новых территориальных претензий (Нахичеванский уезд, половина Шаруро-Даралагызанского, Эриванского и Эчмиадзинского уездов), турки требовали предоставить им в пользование все

³⁷ Карсский областной комиссар Дзамоев телеграфировал в Тифлис об обстоятельствах сдачи и ее последствиях: *«Ввиду неожиданной и чрезвычайно быстрой для нас всех сдачи Карсской крепости по распоряжению из Тифлиса, население, всемерно подготовившееся к защите твердыни Закавказья, было вынуждено бросить буквально все и оставить Карс 12 апреля в 5 часов вечера, покинув обвешанный пламенем Карс. Горели лучшие здания. Картина отхода населения неопишима»*.

Александрополь был взят в результате стремительной атаки турок 15 мая. Е. К. Саркисян подчеркивает, что «внезапное нападение турок расстроило ряды армянских частей, и они отступили в полном беспорядке, оставив противнику все боевые и продовольственные запасы. Многие солдаты из состава Александропольского отряда бежали в Тифлис. Согласно отчету начальника Александропольского отряда, после падения города, вследствие массового дезертирства солдат, на фронте не осталось войск. 1, 4, 7 и 8-й стрелковые полки покинули свои позиции. В каждом из них насчитывалось лишь по 20–40 бойцов. В 3-м стрелковом и в Карсском крепостном полках было всего по 100 солдат. Население Сурмалинского и Эчмиадзинского уездов после занятия турками Александрополя спешно эвакуировалось. С захватом Александрополя турками и оттеснения армянских войск от Арпачая и линии железной дороги войска Армянского корпуса сосредоточились на трех главных направлениях — Лорийском, Караклиском и Эриванском. Положение армянских частей, по характеристике Назарбекова, было крайне тяжелым».

закавказские железнодорожные линии, что позволило им перерезать снабжение Армении и подготовить наступление на Баку. Мотивируя свои требования, турецкое командование заявляло, что «положение Кавказа более чем критическое и двусмысленное», что «сотни тысяч тюрков и мусульман терпят в Баку и окрестностях кровавое ярмо безжалостных бандитов, так называемых революционеров», что Кавказ охвачен анархией, что оттоманское правительство не может относиться к этому безучастно и стоит «перед необходимостью обеспечить свободный пропуск войск через Кавказ в целях провозки их по железным дорогам, и насколько возможно скоро, на другой театр операции».

К концу мая передовые турецкие части подошли к Тифлису на расстояние 20–25 верст, что ввергло в панику как Закавказский Сейм, так и его делегацию в Батуме. Как результат, грузины и азербайджанцы начали обособленно вести переговоры с Османской империей. Более того, лидеры мусаватистов снова попросили о присоединении Азербайджана к Турции. И снова их ждало разочарование, хорошо переданное в письме азербайджанской делегации Энвер-паше: *«Несмотря на нашу просьбу о полном присоединении мусульманской части Закавказья к Турции, нам мотивировано объяснили, что большая политика Турции требует, чтобы мы пока были независимы и сильны... Мы приняли эти указания, сознательно согласившись с ними».*

Одновременно грузинские представители наладили контакты с немецкой делегацией и попросили ее руководителя генерала фон Лоссова о политической помощи и поддержке. Последний в ответ предложил свои услуги в переговорах с Турцией. Как откровенно пишет об этом временный член грузинской делегации З.Авалов, *«быть этапным коридором для «армии ислама» хотя бы временно, нас не соблазняло. Прогнать турок силою мы не могли. Единственный выход — политика германского «намордника». Но для этого нужно: выступление независимой Грузии; уговор с Германией и определенная германская поддержка».*

Грузинские националисты, в первую очередь, из числа национал-демократов, с начала 1918 г. выступали за независимость Грузии и скептически относились к объединенному Закавказью. На заседаниях Национального совета Грузии регулярно звучали подобные заявления и призывы. Кроме того, действовал и «Комитет за независимость Грузии», организованный грузинскими эмигрантами, в первую очередь, из числа революционеров, входивших в состав заграничного бюро партии социал-федералистов, при поддержке немецких властей. Еще одним совместным грузино-немецким детищем являлся находившийся в Турции Грузинский легион (одним из старших офицеров которого был Лео Кереселидзе).

На майских заседаниях Нацсовета Грузии националисты не желали ничего слышать насчет разработки общей закавказской конституции и единой политики. Представители национал-демократов требовали незамедлительно взять курс на объявление национальной независимости. Показательно, но это происходило одновременно с формированием и отправкой закавказской делегации на судьбоносные для края батумские переговоры с турками. Практически в унисон с их началом на трибуне заседаний Грузинского совета националисты выступили за скорейшее объявление Грузии самостоятельной республикой. Эти призывы, кочевавшие из одного выступления в другое, вызывали поддержку и понимание многих членов Грузинского совета. Логично, что уже 14 мая, когда в Батуме вовсю шли переговоры, Нацсовет сепаратно обратился к Германии (в лице главы немецкой мирной делегации генерала Отто фон Лоссова) с просьбой о помощи и покровительстве. В частности, грузинские политики просили, чтобы «Германия всемерно способствовала как можно безболезненному разрешению международного и политико-государственных вопросов Грузии», а также обеспечила своими войсками ее безопасность.

Таким образом, несмотря на яркие и запоминающиеся декларации о под-

держке единого Закавказья и необходимости его защиты до последней капли крови, грузинская политическая элита почти за месяц до объявления независимости, то есть фактически сразу после создания Закавказской федеративной республики, начала активно обсуждать и заниматься вопросом собственной конституцией и собственной республикой. Подчеркнем, что бурное обсуждение национальной конституции и независимого статуса грузины затеяли одновременно с тяжелыми для Закавказья батумскими переговорами с турками. Кроме того, грузинская элита стала судорожно искать покровителя, так как боялась, говоря современным языком, недружественного поглощения, и тут их интересы совпали с немецкими. Германия, в свою очередь, решила для себя взять Грузию под свой контроль, и тайные переговоры с немецким представителем, генералом фон Лоссовым, начались спустя несколько дней после целенаправленного обращения Грузинского национального совета (то есть грузины своими руками стали разваливать единую Закавказскую республику сразу после объявления о ее независимости от России).

Отметим, что интерес со стороны Германии к событиям в Закавказье, в свою очередь, был весьма серьезным. Турецкая активность в регионе в 1918 году весьма быстро стала раздражать и волновать их главного союзника — именно Германию. Она решила незамедлительно вмешаться в дележ Закавказья, дабы он не превратился в односторонний захват со стороны турок. Последние, увлекшись кавказским направлением, оголили другие стратегически важные направления, что не могло не вызвать негативную реакцию со стороны Берлина.

Реакцию германского военного командования на безудержные завоевательные планы турок описывает в своих воспоминаниях генерал Людендорф: *«В конце февраля турки начали наступление в Армении. В конце марта они очистили всю территорию от русских, а конце апреля оккупировали Карскую и Батумскую области, которые перешли к ним по Брестскому миру.*

*Но они на этом не остановились и предлагали продолжать распространять на Кавказе сферу своего влияния... Я одобрительно относился к турецким мероприятиям, поскольку они отвечали интересам общего развития войны. Но они не должны были отвлекать Турцию от ее прямых военных задач или затруднять нам вывоз сырья с Кавказа, который, как мы ожидали, должен был дать нам существенное облегчение. Задачей Энвера являлась борьба с Англией и прежде всего на палестинском фронте... Но Энвер и турецкое правительство больше думали о своих панисламистских целях на Кавказе, чем о войне с Англией. С этим вопросом связывались очень реальные цели, главным образом, выгоды, связанные с использованием закавказского сырья. Что германское военное хозяйство не получило бы при этом ничего, это было известно каждому, кто имел представление о деловых приемах турок. Ввиду этого, мы поневоле оказались в противоречии с целями, которые преследовали турки». В связи с этим крайне логичным выглядит предложение фон Лоссова об услугах Германии в переговорах с Турцией в Батуме. Это важное обстоятельство — замаскированное соперничество Турции и Германии на Кавказе — подмечает и грузинский лидер Ной Жордания (в своем докладе от 25 мая 1918 г.): *«Прибытие германской делегации в Батум было неприятным сюрпризом для турок, считавших переговоры с Закавказьем своим частным делом.**

Людендорф обратился к фон Секту, который в то время занимал пост замначальника турецкого генерального штаба с требованием повлиять так, «чтобы со стороны Турции были приостановлены дальнейшие военные действия против Закавказья». Однако подобные шаги не привели к результату, поэтому Людендорф был вынужден отправить достаточно резкое письмо Энвер-паше, где, в частности, писал: *«Не хочу скрывать перед вами своего удивления по поводу того, что немецкое командование якобы является причиной возникших трений на Кавказе, Турция ведет себя самостоятельно, не обращая внимания на союзников и на заключенный в Бресте договор, в части, касающейся Закавказья. Германия уже указывала на последствия*

Ной Жордания (в центре) и Ной Рамишвили (второй слева) после принятия Акта о независимости Грузии

такого образа действий... и если Турция не будет уважать границы, намеченные Брестским договором, Германия оставит за собой свободу дальнейших решений. Договоры, заключенные между Турцией и закавказскими государствами в обход Германии, Австрии и Болгарии, Германия не признает».

Немцы потребовали от своих ретивых союзников остановить наступление и начать, наконец, переговоры с Закавказской республикой. Одновременно для того, что притормозить турок и не дать им возможности продолжать наступательные действия, правительство Германии предложило разделить Закавказье на зоны влияния. Турция вынуждена была согласиться на предложение своего старшего «брата», и 27 апреля между двумя странами был подписан секретный договор о разделе сфер влияния в Закавказье. По его условиям, Турция получала все занятые ее территории Закавказья и кусок Армении вдоль железнодорожной линии Карс-Александрополь-Караглис. Кроме того, турки получали по договору право провоза войск по Закавказской железной дороге с обозначенной целью борьбы с английскими

войсками в Северной Персии. Остальная часть региона входила в сферу интересов Германии. В связи со всем вышеизложенным, трудно не согласиться с утверждением советского историка Г. В. Пипия: «Заключение договора 27 апреля 1918 г. между Германией и Турцией о разделе сфер влияния в Закавказье позволяет понять, насколько беспочвенны утверждения лидеров грузинских националистических партий и ряда буржуазных историков о том, что Национальный совет Грузии вынужден был пригласить войска «цивилизованной Германии» в интересах спасения Грузии от ига «варварской Турции». На самом деле официальное приглашение немцев в Грузию, осуществленное от имени националистических лидеров, было лишь формальным актом. Еще задолго до совершения данного акта было принято решение о том, что Грузия достанется Германии».

Грузинские лидеры быстро поменили свою тактику и стали готовиться к объявлению независимости республики. Авалов, как и другие представители грузинской политической элиты, отлично понимали последствия такого шага:

«Германия будет держать за фалды турок; за это поживится у нас кое-чем». Выход из состава федерации и объявление независимости были обговорены по шагам на секретном обсуждении с немцами, для этого из Тифлиса на пару дней приезжал даже Ной Жордания. По меткому выражению историка Е. Драбкиной, немецкое предложение встретило *«суетливо-быстрое согласие грузинской делегации».* Как она отмечает, *«германское предложение было сделано как раз в тот момент, когда противоречия, назревшие между Закавказскими республиками, стали столь отчетливыми, что распад федерации сделался неизбежным».* Действительно, немцы, имея за собой секретный договор с Турцией, могли приступить к реализации его положений. Появление в Закавказье надо было начинать с Грузии, что они и сделали, предложив грузинской делегации помощь.

Двухсторонние договоренности, достигнутые в Батуме между турками и азербайджанцами, а также между грузинами и немцами, фактически предрешили судьбу Закавказской федерации. После получения известия о достижении договоренности с немцами, 25 мая на вечернем заседании Сейма Церетели сделал следующее заявление: *«Социал-демократическая фракция и вообще грузинский сектор Сейма пришли к такому убеждению, что вокруг лозунга «независимости» объединить закавказские народности не удалось, и факт распада Закавказья уже налицо. Отсутствие этого единства особенно обнаружилось во время переговоров с Турцией. Наша сторона игнорировалась, как сторона меньшинства, и мы теперь вынуждены объявить о независимости Грузии. <...> На завтрашнем заседании Сейма мы констатируем факт распада Закавказской республики».* После ухода грузинской делегации мусульманская фракция Заксейма приняла резолюцию, в которой говорилось, что *«если Грузия объявит свою независимость, то с нашей стороны должно последовать объявление независимости Азербайджана».*

26 мая в 3 часа пополудни Закавказский сейм объявил себя распущенным³⁸. В решении Сейма говорилось: *«Ввиду того что по вопросу о войне и мире обнаружались коренные расхождения между народами, создавшими Закавказскую Независимую Республику, и потому стало невозможно выступление одной авторитетной власти, говорящей от имени Закавказья, Сейм констатирует факт распада Закавказья и слагает свои полномочия».* Вскоре после этого провозглашено создание Грузинской демократической республики, которое возглавило правительство во главе с Ноем Рамизвили. Национальный совет Грузии под председательством Ноя Жордания стал именоваться Парламентом республики. Всеми внешнеполитическими сюжетами стал заниматься Акакий Чхенкели, назначенный министром иностранных дел.

На следующий день после роспуска Сейма члены мусульманской фракции созвали чрезвычайное заседание для обсуждения создавшегося положения. После продолжительных дебатов решили создать Временный Национальный Совет под председательством Мамеда Эмина Расул-заде. Исполнительный комитет возглавил Фатали-хан Хойский. 28 мая, на первом заседании Национального Совета, было принято решение о провозглашении Азербайджана независимым государством, а Хойский объявил состав Временного правительства. В тот же день дашнаки объявили о создании Армянской республики со столицей в Эривани.

Закавказская федерация, просуществовавшая чуть больше месяца, стала своеобразным переходным мостиком из имперского прошлого в независимое настоящее. Четкое разделение Сейма по национальному признаку на три составные группы демонстрировало разное видение будущего как региона, так и каждой его части. Грузинские политики, активно выступавшие с трибуны Сейма, были прямо нацелены на скорейшее отделение и объявление независимости

³⁸ Зураб Авалов в своих воспоминаниях метко заметил, что *«за четыре часа до получения турецкого ультиматума Закавказская республика, огромный моллюск — без позвоночника — перестала существовать».*

под патронажем одной из великих держав (Германии), армяне — на создание самостоятельного государства, включавшего в себя и Турецкую Армению, или автономного образования в составе России, правда, не советской, азербайджанские тюрки, потеряв надежду на национальную автономию в составе Российской федеративной республики, желали войти в состав этнически и конфессионально близкого им государства, чем, бесспорно, являлась Турция. Наступление турецких войск их не затронуло, более того, они с радостью ждали прихода своих религиозных братьев, что сделало невозможным совместные операции на фронте против турок. По справедливому замечанию современного кавказоведа Артура Цуциева, «для Грузии и Армении турецкое наступление представляет очевидную угрозу, в то время как для Азербайджана, как государства закавказских мусульман (и преимущественно этнических тюрков), Турция стремится выступить если не как отчизна, то очевидный союзник». Азербайджанцы, составлявшие Мусульманский корпус, не хотели воевать против единоверцев и требовали скорейшего заключения мира с ними, практически на любых, даже самых невыгодных условиях. Так что вина за развал Закавказской федерации лежит как на грузинской стороне, сепаратно договорившейся с Германией и первой объявившей о независимости, так и на азербайджанской, позиция которой не позволила дать организован-

ный отпор захватчикам, будем называть вещи своими именами.

По справедливой оценке А. Цуциева, «именно внешний — для региона и России — фактор становится ключевым в общей конфликтной реконструкции кавказского пространства в 1917–1921 году. Кризис России возвращает Кавказ в сферу межимперского соперничества и, соответственно, усиливает разницу между векторами устремлений национальных элит региона, между их «коллективными» интересами. Очевидно, что единство региона обваливается в 1918 году не в результате внутренних распри и серии взаимных армяно-азербайджанских погромов, а как следствие «изъятия» русской государственной основы из под иллюзорного единства кавказского этнополитического пространства. Турецкая экспансия 1918 года фактически поляризует основные политические партии Кавказа по этноконфессиональному признаку и взламывает мозаичную композицию Закавказья серией вооруженных конфликтов»³⁹.

Обособленные переговоры трех советов и самостоятельные действия национальных корпусов, собранных в рамках Кавказской армии, фактически означали растаскивание Закавказья на куски. Оставалось утвердить это де-юре, что и произошло в течение трех майских дней 1918 года, когда вместо такого аморфного объединения, как Закавказская федеративная республика, возникли три самостоятельные друг от друга государственные образования⁴⁰.

³⁹ Внутреннюю слабость единого Закавказья отмечали как многие советские, так и современные историки. Например, З. И. Сирадзе в своей кандидатской диссертации (1952) писал: «Существование в самой системе Закавказского Сейма и комиссариата «национальных советов» предreshало неизбежную гибель этих официально признанных органов власти. «Национальные советы» являлись готовой формой для создания обособленных национальных правительств. Своим существованием и «деятельностью» они угрожали существованию общекраевых высших государственных органов. В результате непримиримого внутреннего национального противоречия, существовавшего как в комиссариате, так и в Сейме, их гибель была предопределена. И действительно, это противоречие нашло свое логичное разрешение в распаде Закавказского Сейма 26 мая 1918 года».

⁴⁰ Как с горечью писал современник, «Уже короткие дни самостоятельности Кавказа, в минуту смертельной опасности, показали, что организация общей власти приводит к всеобщей распри, часто кровавой, беспощадной и бессмысленной». Далее он продолжил весьма объективную и здравую оценку происходившего в регионе: «Что при этих условиях можно сказать о других сторонах жизни края? Его естественные богатства на фоне слабости будут служить только приманкой более сильным соседям, его ничтожные стратегические ресурсы будут уходить на внутреннюю междоубицу, его внешние опасности будут усиливаться призывами изнутри, и страдающий от разрухи и экономического регресса иностранный капитал, являющийся фактическим хозяином Кавказа, найдет средства урегулировать вопрос внутренней жизни помимо пресловутого «самоопределения народов».

Библиография

Источники

Архивные материалы

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Ф. 1300. Штаб Кавказского Военного округа.

Ф. 2100. Штаб главнокомандующего Кавказского фронта.

Ф. 2168. Штаб Кавказской армии.

Опубликованные материалы

Абхазский Народный Совет. 1917–1920 гг. Документы и материалы / Сост. и предисл. Р.Ходжаа. Сухум, 2007.

Абхазия — документы и материалы (1917–1921 гг.) / Сост. Р.Х.Гожба. Сухум, 2009.

Авалов З. Присоединение Грузии к России. Изд. 2-е. СПб., 1906.

Авалов З. Независимость Грузии в международной политике. 1918–1921 гг. Репринт. изд. 1924 г. N. — Y., 1982.

Андраник Озаян. Документы и материалы. Ереван, 1991.

Аркомед С. Т. Материалы по истории отпадения Закавказья от России. Тифлис, 1923.

Армяне в Первой Мировой войне (1914–1918 гг.) / Сборник документов. М., 2014.

Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 2.

Баммат Г. Кавказ и русская революция: Политический аспект / Пер. с англ. Махачкала, 2000.

Беленький С., Манвелов А. Революция 1917 года в Азербайджане (хроника событий). Баку, 1927.

Бигаев Н. А. Последние наместники Кавказа в свете личных воспоминаний (1902–1917) // Несколько документов о проблеме Кавказа. Публ. М. В. Сидоровой // Российский Архив. Вып. XII. М., 2003.

Борьба за Октябрь в Абхазии. Сборник документов и материалов 1917–1921 гг. Сухуми, 1967.

Борьба за победу советской власти в Аджарии. Документы и материалы (1917–1921 гг.). Батуми, 1961.

Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917–1921). Тбилиси, 1958.

Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917–1920 гг. Сборник документов и материалов. Краснодар, 1957.

Борьба за Советскую власть в Абхазии. 1917–1921. Сухуми, 1957.

Борьба за упрочнение Советской власти в Грузии. Сборник документов и материалов (1921–1925 гг.). Тбилиси, 1959.

Борьба за установление советской власти в Дагестане, 1917–1921. Сборник документов и материалов. М., 1958.

Борьба трудящихся Юго-Осетии за Советскую власть. 1917–1921. 2-е изд. Сталинир, 1960.

Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 — март 1918 г. Сб. документов. М., 1982.

- Гайдар Баммат — известный и неизвестный. Сборник документов и материалов. Баку, 2015.
- Гинденбург П. Воспоминания. Пер. с нем. Пг., 1922.
- Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов / Составление и предисловие С. М. Исхакова. М., 2014.
- Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918 гг. Воспоминания. Тифлис, 1925.
- Джапаридзе П. Избранные произведения. 1905–1918 гг. Баку, 1979.
- Джугели В. Тяжелый крест. Тифлис, 1920.
- Дни господства меньшевиков в Грузии (документы и материалы). Тифлис, 1931.
- Документы и материалы по внешней политике Закавказья в Грузии. Тифлис. 1919.
- Жордания Н. За два года (с 1 марта 1917 г. по март 1919 г.). Документы и речи. Тифлис, 1919.
- Жордания Н. Н. Моя жизнь. Stanford, 1968.
- Закавказский сейм: Стеногр. отчет. Сес. первая. Тифлис, 1918.
- Из истории армяно-грузинских отношений. 1918 год. Тифлис, 1919.
- Ишханян Б. Метаморфоза грузинской социал-демократии (Причины и критика явления). Баку, 1919.
- Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916.
- Калашян Г. В Тифлисском подполье. Ереван, 1958.
- Каутский К. Проблемы социализма и перспективы Грузии. Тифлис, 1921.
- Кафафов К. Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи. // Вопросы истории. 2005. № 2–3, 5–8.
- Квинитадзе Г. И. Воспоминания. 1917–1921. Париж, 1985.
- Киров С. М. Статьи, речи, документы. Т. 1. Л., 1936.
- Киров С. М. Избранные статьи и речи (1912–1934). М., 1957.
- Корганов Г. Г. Участие армян в мировой войне на Кавказском фронте (1914–1918) с 19-ю схемами. Пер. с франц. М., 2011.
- Ленин В. И. О Закавказье. Ереван, 1963.
- Ленин В. И. О национальном вопросе и национальной политике. М., 1989.
- Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 2007.
- Материалы из истории отношений Грузии и Северного Кавказа (1917–1921 гг.) / Авт. — сост. М. Бахтадзе, Г. Мамулиа. Тб., 2005 *(на груз. яз.)*
- Махарадзе Ф. Диктатура меньшевистской партии в Грузии. М., 1921.
- Махарадзе Ф. И. Очерки революционного движения в Закавказье. Тифлис, 1927.
- Махарадзе Ф. Е. Советы и борьба за Советскую власть в Грузии 1917–1921. Тифлис, 1928.
- Микоян А. Дорогой борьбы. М., 1971.
- Нариманов Н. Избранные произведения. В 3-х т. Баку, 1988–1989.
- Научное наследие А. А. Тахо-Годи. В 2-х частях. Махачкала, 2006–2007.
- Октябрьская революция и армия (25 октября 1917 г. — март 1918 г.). Сборник документов. М., 1973.
- Орахелашвили М. Закавказские большевистские организации в 1917 г. Тифлис. 1927.
- Орджоникидзе Г. К. Избранные статьи и речи. 1911–1937. М., 1939.
- Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. М., 1956. Т. 1.
- Памятная книга Елизаветпольской губернии на 1914 г. Тифлис, 1914.
- Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918–1920 гг. Сборник документов и материалов. Ереван, 2003 *(на арм. и рус. яз.)*
- Расулзаде М. Э. Сборник произведений и писем. М., 2010.
- Революция 1917 года в исторических документах. Сборник. Тифлис, 1930.
- Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Махачкала, 1994.
- Топчибашев А. М. Дипломатические беседы в Стамбуле (1918–1919). Под ред. Г. Гасанова. Баку, 1994.

Триумфальное шествие Советской власти. Документы и материалы. В 2-х ч. М., 1963.

Хейфец С. Я. Закавказье в первую половину 1918 года и Закавказский сейм // Былое. 1923. № 21.

Церетели И. Г. Речи. Т. 1–2. Петроград-Тифлис, 1917–1918.

ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933 гг. / Сост. Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 2005.

Чхидзе Н. С. Парламентские речи. Тифлис, 1919.

Шаумян С. Г. Избранные произведения. М., 1958.

Шляпников А. Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2002. № 7–12; 2003. № 1–6.

Литература

Абхазы/ Отв. ред. Ю. Д. Анчабадзе, Ю. Г. Аргун. М., 2007.

Аветисян Г. Брест-Литовск: как были отторгнуты Турцией, Карс, Ардаган и Батум. Ереван, 1994.

Агамалиева Н., Худиев Р. Азербайджанская Республика. Страницы политической истории. Баку. 1994.

Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Баку, 1998.

Алиев Г. З. Турция в период Первой Мировой войны. Баку, 1965.

Арутюнян А. О. Кавказский фронт (1914–1917 гг.). Ереван, 1971.

Ахтамзян А. А. От Бреста до Киля. Провал антисоветской политики германского империализма в 1918 году. М., 1963.

Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010.

Багирова И. Закавказский Сейм: несостоявшееся объединение Центрального Кавказа // Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2. Вып. 2.

Бадалян Х. А. Турецко-германская экспансия в Закавказье (1914–1918 гг.). Ереван, 1980.

Базанов С. Н. Борьба за власть в действующей Российской армии. (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003.

Бакрадзе Л. Германо-грузинские отношения во время Первой Мировой войны (Деятельность Грузинского Национального Комитета 1914–1918 гг.). Тб., 2009 *(на груз. яз.)*

Басиля Ш. И. Закавказье в годы Первой мировой войны. Сухуми, 1968.

Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М., 2011.

Белошапка Н. В. Временное правительство в 1917 г.: Механизм формирования и функционирования. М., 1998.

Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох / Сборник статей. М., 2014.

Булатов В. В. Об экономических последствиях Брест-Литовского мира // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3. Экономика, Экология. 2011. № 2 (19).

Булдаков В. П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1.

Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. 2-е изд. М., 2010.

Бурджалов Э. И. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987.

Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982.

Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 / Сборник статей; ред. Р. Герварт и Д. Хорн. М., 2014.

Волхонский М. А., Муханов В. М. Кавказское наместничество // Большая Российская Энциклопедия. М., 2008. Т. 12. С. 367–368.

Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007.

Волхонский М. А., Муханов В. М. Россия на Кавказе. Пять веков истории: Научно-публицистические очерки. М., 2009.

Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М., 1999.

Галоян Г. А. Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья. Ереван, 1977.

- Галоян Г. А. Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье. 1900–1922 гг. Ереван, 1969.
- Гарибджанян Г. Б. В. И. Ленин и большевики Закавказья. М., 1971.
- Гасанлы Дж. П. История дипломатии Азербайджанской Республики: в 3 т. Т. 1. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920). М., 2010.
- Гасанлы Дж. Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости 1917–1920. М., 2011.
- Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина; пер. с англ. В. И. Матузовой. М., 2011.
- Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003.
- Гулыга А. Начальный период антисоветской интервенции США (1917–1918 гг.). // Вопросы истории. 1950. № 3.
- Дайнес В. О. Иностранная военная интервенция в Закавказье 1918–1921 // Большая Российская Энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 398–399.
- Дайнес В. О. Иностранная военная интервенция в России 1918–1922 // Большая Российская Энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 399–401.
- Дарабади П. Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI века. М., 2010.
- Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе. М., 2003.
- Дерябин А. И. Гражданская война в России 1917–1922: Национальные армии. М., 1998.
- Джаббаров Ф. Бакинская нефть в политике Советской России (1917–1922 гг.). Баку, 2009.
- Дзидзария Г. А. Очерки истории борьбы за Советскую власть в Абхазии 1917–1918 гг. Сухуми, 1958.
- Драбкина Е. Грузинская контрреволюция. Л. 1928.
- Енукидзе Д. Е. Крах империалистической интервенции в Закавказье. Тбилиси, 1954.
- Енукидзе Д. Е. Разгром и изгнание интервентов из Закавказья. Тб., 1960.
- Жвания Г. Большевики и победа Советской власти в Грузии. Тб., 1981.
- Жвания Г. К. Великий Октябрь и победа Советской власти в Грузии. Тб., 1987.
- Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1–3. М., 1940.
- Исмаил-заде Д. И. Население городов Закавказского края в XIX — начале XX в. М., 1991.
- Исмаилов М. А. Социально-экономическая структура Азербайджана в эпоху империализма. Баку, 1982.
- Исмаилов Э. Р. Очерки по истории Азербайджана. М., 2010.
- Исмаилов Э. Степан Шаумян — обреченный на забвение. Портрет «легендарного коммунара» без ретуши. Баку, 2012.
- История внешней политики СССР. М., 1976. Т. 1.
- История Гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 5.
- История Грузии. В 3-х т. Тб., 1968, 1973. Т. 2, 3.
- История Первой Мировой войны. М., 1975. Т. 2.
- Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М., 2004.
- Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960.
- Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Том 1 и 2. Большевицкая революция. 1917–1923. Пер. с англ. М., 1990.
- Квачадзе С. Большевики Тбилиси в 1917 г. Тб., 1967.
- Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. Пер. с англ. И. Стамовой. М., 2004.
- Корнштейн Е. Н. Провал немецко-турецкой оккупации в Закавказье в 1918 г. Тб., 1952.
- Корсун Н. Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М., 1951.
- Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы Первой мировой войны. М., 1966.
- Мальшева С. Ю. Временное правительство // Большая Российская Энциклопедия. М., 2006. Т. 6. С. 19–22.
- Манджгаладзе Г. Х. Немецкие колонисты в Грузии (1817–1920). Автореферат дис. к. и. н. Тб., 1970.

- Манджгаладзе Г.Х. Германский капитал в Закавказье (1860–1918). Автореферат дис. д. и. н. Тб., 1991.
- Маргиев З. Батум во времена Османской империи. М., 2008.
- Масловский Е. В. Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. Стратегический очерк. Париж, 1933.
- Махарадзе Н. Победа Великого Октября в Грузии. Тб., 1967.
- Мацаберидзе М. Разработка Конституции Закавказского Сейма и Национальный Совет Грузии // Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2.
- Меликян Г. С. Октябрьская революция и Кавказская армия. Ереван, 1989.
- Ментешашвили А. М. Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Грузии. 1917–1921. Тбилиси, 1987.
- Ментешашвили А. М. Октябрьская революция и национальный вопрос в Грузии, 1917–1922 гг. Автореферат диссертации на соис. уч. ст. д. и. н. Тбилиси, 1988.
- Ментешашвили А. Распад Российской империи и Закавказье // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М., 1999.
- Ментешашвили А. Грузинская демократическая республика 1918–1921 гг. и западные державы // Вопросы истории. 1996. № 9.
- Муджири А. Н. Политические партии и национальный вопрос в Закавказье в период подготовки и проведения Октябрьской революции. Автореф. дис. на соис. уч. ст. д. и. н. Тбилиси, 1970.
- Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 г. М., 2007.
- Мустафа-заде Р. С. Две республики. Азербайджано-русские отношения в 1918–1922 гг. М., 2006.
- Муханов В. М. Тифлисская губерния // Большая Российская Энциклопедия. М., 2016. Т. 32. С. 174.
- Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. Отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепапов. М., 1998.
- Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980.
- Нотович Ф. И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. М., 1947.
- Оганесян Э. Век борьбы. Очерк 100-летней истории дашнакской партии и национально-освободительной борьбы армянского народа. Мюнхен-Москва, 1991.
- Очерки истории коммунистических организаций Закавказья. Часть 1. 1883–1921 гг. Тбилиси, 1967.
- Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978.
- Погосян А. М. Карская область в составе России. Ереван, 1983.
- Политические деятели России 1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. В. Волобуев. М., 1993.
- Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917–1920 гг. Москва, 1941.
- Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку. Баку, 1927.
- Саркисян Е. К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ереван, 1962.
- Саркисян А. Е. Великий Октябрь и непролетарские партии Закавказья. Ереван, 1990.
- Сеф С. Е. Борьба за октябрь в Закавказье. Тифлис. 1932.
- Сеф. С. Е. Правда о Шамхоре 7–12 января 1918 г. По неизд. архивным материалам Музея революции ССР Грузии. Тифлис, 1927.
- Сеф С. Е. Расстрел в Александровском саду 10 февраля 1918 г. в Тифлисе. По неизд. архивным материалам Музея революции ССР Грузии. Тифлис, 1927.
- Сеф С. Е. Революция 1917 г. в Закавказье. Документы, материалы. Тифлис, 1927.
- Сидамонидзе У. И. Историография буржуазно-демократического движения и победы социалистической революции в Грузии (1917–1921 гг.). Автореферат дис. д. и. н. Тб., 1971.
- Сирадзе З. И. В. И. Ленин и И. В. Сталин об английских оккупантах в Грузии в 1918–1920 гг. Автореферат дис. к. и. н. Тб., 1952.
- Соловьев О. Ф. Из истории империалистических планов расчленения Советской России (Англо-французское соглашение от 23 декабря 1917 г.) // История СССР. 1963. № 3.
- Ставровский А. Закавказье после Октября. Взаимоотношения с Турцией в первой половине 1918 г. М. — Л., 1925.

Стеклов А. П. Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Тб., 1969.

Сургуладзе А. Н. Закавказье в борьбе за победу социалистической революции. Тб., 1971.

Сургуладзе А. Н. Грузинская демократическая интеллигенция в трех революциях (1900–1921). Тб., 1986.

Токарежский Е. А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957.

Тошева Т. А. Национально-освободительное движение в Азербайджане 1917–1920 гг. Баку, 1956.

Тютюкин С. В. *Меньшевики // Политические партии России: история и современность.* М., 2000.

Тютюкин С. В. *Меньшевизм: Страницы истории.* М., 2002.

Фомин А. М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923. М., 2010.

Хачапуридзе Г. В. Борьба грузинского народа за установление Советской власти. М., 1956.

Щуцнев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.

Цхведиани Т. Н. Кавказский краевой комитет РСДРП(б) и Кавказское бюро ЦК РКП(б) во главе борьбы трудящихся Грузии за победу социалистической революции (1917–1921 гг.). Автореферат дис. к. и. н. Ерван, 1959.

Чернова-Дёке Т. Н. *Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917).* М., 2008.

Чохели А. И. *Политика Франции в отношении Грузии. 1917–1921 гг.* Тбилиси, 1980.

Шафир Я. *Гражданская война в России и империалистическая Грузия.* Тифлис, 1921.

Шафир Я. *Очерки Грузинской Жиронды.* М. — Л., 1925.

Эсаиашвили В. Г. В. И. Ленин и большевистские организации в Грузии (1895–1924). Тб., 1959.

Эсаиашвили В. Г. *Ленин и Грузия.* Тбилиси, 1970.

На английском языке

Allen W. E. D., Muratov P. P. *Caucasian battlefields. A history of the wars on the Turco-Caucasian border 1828–1921.* Cambridge, 1953.

Hovannisian R. *The Republic of Armenia. Vol. 1–4.* Berkeley — Los Angeles — London, 1971–1996.

Jones S. F. *Georgian Social Democracy in 1917 // Revolution in Russia: Reassessments of 1917.* Cambridge, 1992. p. 247–273.

Jones S. F. *Georgia: The Trauma of Statehood // New States, New Politics: Building the Post-Soviet Nations.* Ed. By J. Bremmer and R. Taras. Cambridge, 1998.

Jones S. F. *Socialism in Georgian Colors: The European Road to Social Democracy, 1883–1917.* Cambridge, 2005.

Kazemzadeh F. *The Struggle for Transcaucasus (1917–1921).* N.Y., 1951. ЭР1/2019

King Ch. *The Ghost of freedom. A History of the Caucasus.* Oxford, 2008.

Lang D. *A Modern History of Georgia.* New York, 1962.

Marshall A. *The Caucasus under soviet rule.* London — New York, 2010.

Matsaberidze M. *The Democratic Republic of Georgia (1918–1921) and the Search for a Georgian Model of Democracy.* Tbilisi, (Без года).

Rayfield D. *Edge of Empires: A History of Georgia.* London, 2012.

Suny R. *The Baku Commune 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution.* Princeton, 1972.

Suny R. G. *The Making of the Georgian Nation.* Indianapolis, 1994.

Swietochowski T. *Russian Azerbaijan, 1905–1920.* Cambridge, 2004.

The Baltic and Caucasian States. Ed. By J. Buchan. London, 1923.

Transcaucasia: Nationalism and Social Change, Essays in the History of Armenia, Azerbaijan and Georgia. Ed. by R. G. Suny. Ann Arbor, 1996.

Вадим Муханов

Кавказ в революционную пору...

*К истории Закавказья
в 1917 — первой половине 1918 г.*

Подписано в печать 11.12.2017. Формат 70x108 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура «Альдин 401». Печать офсетная
Усл. печ. л. 7. Тираж 500 экз. Заказ №NNNN

Информационное агентство REGNUM
119072, г. Москва, Берсеневский пер., д.2, стр.1

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А